

Восточный Архив

№ 18, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Восточный архив

Издается с 1998 г.

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия
Свидетельство ПИ № ФС77-32098
от 30 мая 2008 г.

Редакционный совет

Р.Б. Рыбаков – председатель
В.И. Шеремет – зам. председателя
В.М. Алпатов
Д.Д. Васильев
Н.М. Емельянова
В.С. Мясников
О.Е. Непомнин
Р.Г. Пихоя
М.Р. Рыженков
А.Л. Рябинин
Т.А. Филиппова
А.Н. Хохлов
П.М. Шаститко
Т.Л. Шаумян

Редколлегия

В.И. Шеремет – главный редактор
В.В. Беляков – зам. главного
редактора
Н.К. Чарыева – ответственный
секретарь
Д.Д. Васильев
И.В. Зайцев
А.Ш. Кадырбаев
М.Т. Кожкина

Художественное оформление

С.И. Потабенко

Верстка

Г.М. Абишева

Журнал издается Институтом
востоковедения РАН и Обществом
востоковедов РАН
Адрес редакции: 103031, Москва,
Рождественка, д. 12, комн. 213
E-mail: orientalarchive@yandex.ru

Позиция редакции не обязательно
совпадает с мнениями авторов

При цитировании ссылка на журнал
«Восточный архив» обязательна

Подписано в печать _____
Объем _____ п. л. Тираж 300 экз.
Отпечатано в типографии Максимова
103031, Москва, Рождественка, 12
Цена в розницу договорная

© Институт востоковедения РАН
© Общество востоковедов РАН

Нам десять лет. К юбилею «Восточного архива»	3
Шеремет В.И. О принципах и задачах архивного востоковедения	5
Тимохин Д.М. Сведения о посольстве халифа ан-Насира к Чингиз-хану в сочинении персидского историка Мирхонда	15
Шкедя О.П. Турецкие военнопленные в России во время Крымской войны	21
Горбунова Н.М., Смилянская И.М. Российский дипломат и исследователь Ближнего Востока и Балкан К.Д. Петкович ..	27
Хазанов А.М. Восстание Мухаммеда бин Абдаллы – героя Сомали	35
Лагвилава Т.И. Политическое и государственное устройство Грузии в 1917–1918 гг.	44
Беляков В.В. Кадеты на Суэцком канале	50
Алпатов В.М. Две Японии одного писателя	55
Николаева Л.Ю. Депортированные народы в Таджикистане	61
Горячкин Г.В. Сталинград дает «добро». К 65-летию установления дипломатических отношений между СССР и Египтом	66
Антошин А.В. Документы по истории Востока XX в. в коллекциях Библиотеки современной международной документации (Нантер, Франция)	70

Наши юбиляры

Мясников В.С. Академик Сергей Леонидович Тихвинский. К 90-летию со дня рождения	75
Хохлов А.Н. В начале творческого пути. К 90-летию со дня рождения академика С.Л. Тихвинского	85
Шаститко П.М. Наш коллега и товарищ. К 85-летию со дня рождения С.И. Потабенко	94

Oriental Archive

No. 18, 2008

CONTENTS

10 th anniversary of the establishment of the <i>Oriental Archive</i>	3
Sheremet, Vitaliy. Principles and objectives of the <i>orientalistica archivica</i>	5
Timokhin, Dmitriy. Mission of Khalif an-Naseer to Chenghiz-khan	15
Shkedy, Oleg. Turkish POWs in Russia during Crimean War	21
Gorbunova, Natalia, and Smilyanskaya, Irina. Russian diplomat and scholar Constantine Petkovitch	27
Khazanov, Anatoliy. Rebellion of Mohammad bin Abdallah in Somalia	35
Lagvilava, Timur. Political and state organization of Georgia in 1917–1918	44
Beliakov, Vladimir. Russian cadet school in Egypt	50
Alpatov, Vladimir. Russian writer Boris Pilnyak on Japan	55
Nikolaeva, Lyudmila. Deported nationals in Tajikistan	61
Goryachkin, Gennadiy. 65 th anniversary of the establishment of diplomatic relations between the Soviet Union and Egypt	66
Antoshin, Alexey. Documents on the 20 th century history of the Orient at the Library of the modern international documentation (Nanter, France)	70

Jubilees

90 th anniversary of Acad. Sergey Tikhvinskiy	75
85 th anniversary of Dr. Sviyatoslav Potabenko	94

НАМ ДЕСЯТЬ ЛЕТ

Любезный читатель, вы держите в руках журнал «Восточный архив», которому в этом году исполнилось 10 лет! Журнал родился в Институте востоковедения РАН, в Отделе истории Востока, в группе по изучению и изданию архивных документов. В состав группы входили: П.М. Шаститко – руководитель, и научные сотрудники – Е.А. Белов, В.Г. Воловников, Т.Н. Загородникова, М.Т. Кожекина, Н.И. Скворцова, З.А. Цомартова, Н.К. Чарыева. Группа выступила с предложением издать два тома архивных документов и материалов о русско-индийских отношениях в XIX – начале XX в. Оно было принято. Работа спорилась. В 1990-е годы архивы открыли многие ранее недоступные фонды, и тайны дипломатических и военных связей стали достоянием исследователей, что делало их труд особенно увлекательным и продуктивным. Фундаментальное исследование было начато в 1988 г. Первый том «Русско-индийские отношения в XIX веке» вышел в 1997 г., второй – в 1999 г. Были выявлены, исследованы и прокомментированы около 600 документов из фондов основных государственных архивов Москвы и Санкт-Петербурга, рукописных фондов музеев и библиотек, Центрального государственного архива Узбекистана, а также Национального архива Индии (материалы этого архива представили Л.В. Митрохин и Судешна Саркар Аурангабадкар). Коллегами и друзьями группы стали профессор МГУ, индолог А.А. Вигасин, опытный архивист М.Р. Рыженков (ныне директор РГАДА), профессор Липецкого пединститута А.В. Райков. Архивные документы и материалы, опубликованные в сборниках, были снабжены подробными научными комментариями, а большинство документов опубликовано впервые.

Обнаруженные документы активно обсуждались на заседаниях группы, ими интересовались сотрудники Отдела. Работа вызвала живой интерес и в Индии, и в 1999 г. ее перевели на английский язык и издали в Калькутте (*Russo-Indian Relations in the Nineteenth Century. A Selection of Documents. English Translation. Editor Purabi Roy*).

Коллектив группы выступил с инициативой провести научную конференцию «Проблемы изучения истории Востока по материалам архивных хранилищ России». Состоялась конференция в декабре 1995 г. В ее работе приняли участие директор ИВ РАН Р.Б. Рыбаков и руководитель Архивной службы РФ Р.Г. Пихоя. С докладами выступили более 30 человек. Все выступления были результатом последних поисков и исследований авторов. Полезным и плодотворным было общение научных и архивных работников друг с другом.

В ходе формирования двухтомника за его рамками остались десятки выявленных архивных документов. И научная конференция показала, что многие материалы все еще не опубликованы, лежат в столах ученых. И тогда родилась идея – публиковать архивные документы в специальном журнале. Пусть небольшим тиражом. Журналу дали название «Анналы». Он должен был стать средством оперативной коммуникации в триаде архив – исследователь – читатель.

В обращении к читателю один из инициаторов затеи, П.М. Шаститко, писал: «Наш журнал задуман как своеобразная лаборатория востоковеда, где можно опробовать новые идеи, высказать гипотезы, которые будут впоследствии развиты или опровергнуты в капитальных исследованиях. Приоритетное значение редколлегия будет придавать неопубликованным архивным документам, ибо архив – это хранитель времени, а время – главный субъект истории». Ответственным редактором стал новый сотрудник отдела А.А. Колесников, он же возглавил работу группы. В первом выпуске (всего было подготовлено 6 номеров), вышедшем в 1995 г., было опубликовано 10 материалов, основанных на архивных документах, и все они представляли несомненный интерес. Например, «Индийское восстание: взгляд из Лондона» – первое донесение русского военного агента в Лондоне полковника Н.П. Игнатьева военному министру Н.С. Сухозанету. Или анализ дел в Афганистане в начале 30-х годов, подготовленный для Политбюро ЦК ВКП(б) видным деятелем Коминтерна А.А. Иоффе. Для всех историков была полезна и интересна публикация Архива внешней политики Российской империи, с обзором фондов, имеющих отношение к Востоку. К публикациям активно привлекались архивные работники, которые из хранителей документов превращались в исследователей. Происходило взаимодополняющее объединение усилий ученых и архивистов.

В общем, к концу прошлого века группа успешно вела работу. Следует отметить, что ее деятельность была новаторской в востоковедении. Нет, конечно, публикации документов были и раньше. Но, как правило, это был труд энтузиастов – одиночек, пишущих на отдельные темы. Теперь это была организационно оформленная группа научных сотрудников, установившая деловые связи с основными архивами, проводившая регулярные встречи с коллегами и выпускающая свой журнал. Направление имело перспективу. Руководство Института востоковедения решило преобразовать группу в сектор архивных публикаций, а «Анналы» – в журнал «Восточный архив».

Руководителем сектора стал А.В. Хренков. Первый номер журнала «Восточный архив» вышел в 1998 г. А.В. Хренков предложил новый формат и оформление журнала, которое взял на себя С.И. Потабенко. Председателем редакционного совета стал директор Института востоковедения Р.Б. Рыбаков. В своем обращении к читателям он писал: «Особенно актуальной становится широкая кооперация востоковедов и профессиональных архивистов. Одной из форм этого сотрудничества и должно стать предлагаемое специальное периодическое издание – «Восточный архив»».

В первых номерах журнала были представлены интересные новые документы. Например, Российского государственного архива военно-морского флота об особых миссиях советских военных лодок в Турцию или документы и материалы о деятельности британской разведки в Закавказье и Русском Туркестане из Национального архива Индии, а также секретные документы о миссии генерала Ермолова в Индию в 1911 г.

В 1999 г. сектор архивных публикаций возглавил В.И. Шеремет. Он по достоинству оценил значение журнала и энергично взялся за его совершенствование. Стало больше проблемных статей. Но доминантой остался архивный документ. В № 4–5 за 2000 г. председатель редсовета Р.Б. Рыбаков имел основание написать: «Журнал увидели. Журнал читают. Журнал ждут».

«Восточный архив» открыл новую рубрику – «Великие учителя и наставники», в которой перед читателем предстали предшественники сегодняшних востоковедов. Биографические очерки о востоковедах, их эпистолярное творчество и новые документы об истории ориенталистики и востоковедных учреждений начали появляться регулярно. В 2004 г. в № 11–12, например, была опубликована статья «У истоков российского монголоведения. Проф. Казанского университета О.М. Ковалевский».

Работа продолжала набирать темп. В 2006 г. расширился до 14 человек редакционный совет, в него, кроме ведущих научных сотрудников ИВ РАН, вошли известные архивисты – Р.Г. Пихоя и В.Р. Рыженков. Заместителем главного редактора В.И. Шеремета стал В.В. Беляков – арабист, долгое время проработавший в Египте и имеющий немалый журналистский опыт.

За время выхода журнала «Восточный архив» на его страницах опубликованы статьи востоковедов из разных городов России – от Санкт-Петербурга до Владивостока. Расширяется авторский корпус, в том числе за счет участия иностранных исследователей – из Турции и Болгарии, Израиля и Венгрии, Украины, Туркменистана и Таджикистана. Наши турецкие коллеги работают над изданием отдельным сборником материалов о Турции, опубликованных на страницах «Восточного архива».

В июне 2008 г. по инициативе редколлегии журнала в Москве прошла первая международная конференция «Архивное востоковедение». С докладами выступили как востоковеды, так и архивисты из разных городов России и из-за рубежа. Участники конференции договорились сделать такие встречи регулярными.

В уходящем году «Восточный архив» был официально зарегистрирован. В ближайших планах – издавать журнал дважды в год и внести его в подписной каталог научных изданий агентства «Роспечать».

Словом, «Восточный архив» уже прочно встал на ноги. Архивы поистине бездонны, а когорта востоковедов, основывающих свои исследования на архивных документах, постоянно расширяется. Значит, нехватка материалов журналу не грозит.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

В.И. Шерemet (ИВ РАН)

О ПРИНЦИПАХ И ЗАДАЧАХ АРХИВНОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ*

Под «архивным востоковедением» (*orientalistica archivica*) понимается неотъемлемая часть ориенталистики, опирающаяся преимущественно на документы национальных архивов как основной источник при создании исторических трудов всех видов, и изучение архивов как самостоятельного объекта исследований, проводимых национальными и интернациональными группами ученых и отдельными учеными-ориенталистами.

Как научная поддисциплина архивное востоковедение существует в России около двухсот лет, т.е. наряду с собственно научным архивным делом и востоковедением (ориенталистикой).

Практически не было среди авторитетных фигур русского дореволюционного востоковедения и последующего времени историков-востоковедов, кто бы не обращался непосредственно к архивным разысканиям в работе над изучаемыми проблемами.

Впрочем, это относится к знаковым фигурам отечественного востоковедения в области этнографии, археологии, филологии. Достаточно вспомнить академика А.К. Кононова, выдающегося тюрколога-языковеда, издавшего ряд работ на основе документов наших архивов. Именно он в далеком 1960 г. подвигнул меня, тогда студента Восточного факультета ЛПГУ, обратиться к архивным фондам для углубления первоначальных тюркологических разысканий. Данная статья – дань памяти дорогому Учителю многих из нас, тюркологов и османистов. Ее публикация не случайно приурочена к 190-летию ИВ РАН, где архивное востоковедение нашло поддержку и понимание со стороны и дирекции, и коллег-востоковедов.

Как вспомогательная историческая дисциплина архивное востоковедение утвер-

дилось в последней трети XX в. Стимулирующие факторы развития архивного востоковедения заложены в глобальных масштабах информационного обмена, невооруженно захватившего мировое сообщество, а также в очевидных успехах имагологии как науки, адекватной современному этапу межкультурного обмена. Таковые факторы опираются в известной мере на инициативы ООН, ЮНЕСКО, стран мирового сообщества в целом, направленные на такой диалог наций, религий и людей, который нуждается в устойчивой сумме достоверных и проверяемых исторических сведений.

Не в последнюю очередь к стимулирующим архивное востоковедение факторам следует отнести, во-первых, лавинообразный процесс самоидентификации и политизации малочисленных этносов и этнорелигиозных групп, часто не имеющих собственных источников для создания письменной истории. Подобные явления отчетливо обрели в 1960-х годах и новый тонус обрели в начале XXI в. Во-вторых, успехи и перспективность междисциплинарных методик и высокоточных приемов оцифровки неподробных данных, что весьма удачно коррелируется с архивным востоковедением, ориенталистикой и исторической наукой в целом. В этом убеждают материалы и документы целого ряда съездов и форумов востоковедов и историков-архивистов последних 10–15 лет¹.

Очевидная и растущая востребованность архивного востоковедения отвечает широкому развитию в мире совместных паритетных исследовательских проектов ориенталистов многих стран мира. Таковые проекты все шире поддерживаются государствами. Доступность на взаимной основе к национальным архивным фондам и быстрое развитие архивного востоковедения воспринимается научным миром:

1) как проявление взаимного доверия на уровне государств и тех государственных учреждений, которые образуют и хранят архивные фонды;

* В основу статьи легли доклады и сообщения, с которыми автор выступал на международных конференциях и конгрессах ориенталистов и архивистов, на съездах Общества востоковедов РАН в России в 1998–2008 гг.

2) как заинтересованность государств в создании благоприятной научно-информационной среды, являющейся необходимым условием развития мировой цивилизации.

Наблюдения за глобализацией, ростом по экспоненте скоростей и объемов информационных потоков приводят к весьма перспективному для нашей темы выводу.

Глубина виртуального погружения в прошлые эпохи историка, культуролога, ориенталиста и т.д. все меньше зависит от ситуации «центр хранения баз информации – периферия» (потребление таковой), что всегда было связано с пониманием решающей роли развитых государств (они же – обладатели основных информационно-значимых массивов данных, включая архивы на современных носителях) по отношению к странам и регионам запаздывающего развития. Последние соответственно отстают и в культурно-информационном поле.

В наши дни упомянутая выше проблема «погружения в иные времена, другие земли» зависит главным образом от доступности архивных материалов на электронных носителях в любой точке мира и от согласованности санкционированных своими государствами действий архивистов и пользователей архивными документами.

Заметим, что международное сотрудничество России с другими странами в сфере архивного дела нашло детальную проработку в Федеральном законе РФ об архивном деле².

Разработки принципов и методик архивного востоковедения были начаты в Институте востоковедения РАН в 1990-х годах, позднее были активно поддержаны членами Императорского православного палестинского общества, Отделением социокультурных проблем РАН, издательским домом «Истоки». Наши коллеги в Государственном архиве Российской Федерации, Архиве внешней политики Российской империи, Российском государственном военно-историческом архиве уже разработали единую методологию описания востоковедных документов в делах различных архивов. Создана достаточно прочная оболочка электронной базы данных и ведется вывод на доступный уровень имеющихся у творческих коллективов этих архивов информации о содержании ряда востоковедных фондов указанных архивов. Проблеме частных методик должна быть посвящена отдельная статья.

Междисциплинарность и ориентация на интересы государства изначально были особенностями архивного востоковедения. Первая особенность, т. е. междисциплинарность, наряду с общенаучными всем очевидными постулатами, связана со следующим соображением. Архивное востоковедение – это именно та дисциплина, которая *оптимальна* для междисциплинарных сближений. Так, индологу и африканисту, японисту и османисту – всем нужно и по силам создание лексико-семантического поля архивного востоковедения, адекватное понимание того, что есть «документ», «архив», «ценность», «значимость» и ряд спецификаций с доступной и разделяемой семантикой³.

Междисциплинарность – устойчивый признак и один из базовых принципов архивного востоковедения. Относительно второй особенности можно сказать, что тому способствовали:

Многонациональность российского государства со времен создания и изучения в России самих объектов изучения – архивов.

Специфика вхождения в Российское государство в прошлом ряда национальных государственных образований и этнических общностей. Для примера отмечу один важный принцип происхождения фондов в российских архивах. Именно «от государства», в его интересах.

Роль государства на Востоке всегда определялась как решающая во всех или почти во всех сферах жизни человека, включая следы этой жизнедеятельности в виде архивных документов. «Власть – государство» всегда было на Востоке (как и в России) связано с фондообразованием. Так, правительственные учреждения или иначе – приказы в России начали создаваться с конца XV в. Фактически одновременно стали складываться основы хранения документов по истории связей Русского государства с Османской империей (пример, наиболее близкий автору-османисту). Напомним, что одновременно, т.е. после взятия Константинополя в 1453 г. Мехмедом II Фатихом, документальное архивное наследие Византии, не в полной, к сожалению, мере, но перешло под контроль и в ведомство великих везиров и позднее реис уль-кюттабов Османской империи.

Документы московских учреждений-приказов сосредоточены ныне в Россий-

ском государственном архиве древних актов (РГАДА). Продолжая близкую автору тему, для примера заметим, что для истории русско-турецких отношений XV–XVII вв. особое значение представляют документы, сосредоточенные в Посольском приказе, ведавшем иностранными делами, а также в Малороссийском приказе (с 1662 г.). Этот второй приказ (его дела) проливают свет на особую роль Крыма, Украины, Польши в отношениях России и Турции. Это важно подчеркнуть в связи с особым статусом Крымского ханства как вассала Стамбула с 70-х годов XV в. и сложной, противоречивой историей вхождения Украины в состав российского государства. Так, именно документы Малороссийского приказа помогают уточнить обстоятельства и время формального (и временного) вхождения части украинских земель (включая Киев) в состав Османского государства, историю серии латентных конфликтов между Москвой и Стамбулом в 1620–1640-х годах.

Примером того, что чисто внутренние документы России могут носить неоцененный в полной мере историками-востоковедами внешнеполитический характер, являются документы земских соборов (РГАДА). Речь идет о приговорных списках земских соборов 1642 г. об Азове, 1653 г. – об Украине.

Внутренняя политика ярко корреспондируется с турецкими делами. Не будем обсуждать степень справедливого негодования дворян и «детей боярских», но они (судя по документам) очень сетовали, что централизация власти и судопроизводство у османов налажены гораздо лучше, чем на Москве.

Интересно отметить, что Старшинская Рада – совещательный орган при гетмане Украины – и после объединения в 1654 г. с Россией весьма точно копировала органы управления именно османской Высокой Порты, включая ряд совпадающих признаков (финансы, войска, суды). Все это выясняется из документов Малороссийского приказа.

Важно отметить, что земские соборы следили за состоянием государственного строительства в соседней империи, призывали властный центр учитывать опыт сильного соседа. Делясь опытом архивного востоковедения, заметим, что при изучении русско-восточных связей особое место должно отводиться статейным спискам,

иначе – посольским книгам. Это перво-классные источники по истории не только собственно турецких земель, но и земель, вассальных от Стамбула, таких, как Крым; частично держав Запада, тесно контактировавших с Высокой Портой.

Специфика этих документов состоит в том, что материалы осведомительного характера о Турции и третьих странах не могут приниматься без многократной перепроверки. Многие из них прошли такой сложный путь, что утратили достоверность (например, о связях Стамбула и Бухары или Стамбула и Токио в начале XX в.). Другие, наоборот, только сейчас проявились как исключительно важные (например, позиция Венеции и Генуи в османско-габсбургских столкновениях в Восточной Европе).

Велика роль подлинников – турецких султанских грамот, включенных в дела статейных списков. Они еще ждут своих исследователей.

Подчеркну, что совместная работа российских и турецких ученых над корпусом документов из российских архивов, которая близка к завершению, может носить международно значимый характер, ибо затрагивает формирование ткани международных отношений Нового времени⁴.

Сей краткий уход в архиво-османистические штудии, коим в Институте востоковедения РАН и в МГГУ им. М.А. Шолохова действительно предаются молодые коллеги (зам. директора ИВ РАН И.В. Зайцев, к.и.н. А.Д. Васильев, зам. декана истфака МГГУ к.и.н. Н.Н. Лисицына и др.), должен оттенить основную мысль статьи, а именно: государственческий принцип в создании решающей массы архивных документов России отражает ведущую роль российского государства в нашем историческом прошлом.

Государственнический принцип в широком смысле понятен и удобопонимаем исследователями-востоковедами и тем, кто приехал поработать в наши архивы из стран Азии, Африки. Это проверено в работе с коллегами из Турции, Японии, Ирана, стран Центральной Азии.

Акцентируя этот принцип, можно сказать, что, помимо «понимаемости», доступности логики происхождения многих фондов, для зарубежного пользователя или для нашего коллеги из регионов России создается редкая возможность разрабатывать по российским

архивам, например, политическую или иную историю своих регионов, а также либо историю тех государственных учреждений, которые имелись в структурах, вошедших в состав Российской империи, или имевших с ней долгие и устойчивые контакты.

К числу первых можно отнести многие ханства, эмираты, другие государственные образования Поволжья, Сибири, Центральной Азии, Кавказа, Крыма. Ко вторым – сопредельные России Турцию, Иран, Афганистан, Китай, Японию с середины XIX в., государства Индокитая.

По существу новое по подходам и социальной значимости архивное востоковедение востребовано всеми без исключения бывшими союзными (в бывшем СССР) республиками, ныне суверенными государствами. Более того – всеми регионами, субъектами Российской Федерации.

Очевиден интерес к тотальному выявлению документов, углубленному изучению профильных фондов со стороны востоковедов и историков поволжских и северокавказских субъектов Российской Федерации. К настоящему времени подготовлено несколько специальных изданий и защищены кандидатские и докторские диссертации с применением методик архивного востоковедения. При этом уже стало очевидным, что статус (значимость) мер и мероприятий, зафиксированных в обнаруженных документах, позволяет делать важные выводы для национальных историй.

С другой стороны, архивное востоковедение позволяет создать такое число подпроектов по разработке общих и локальных схем-структур, что более четко структурируется сам архивный информационный массив, как основа единого для Российской Федерации архивного информационного пространства.

Архивное востоковедение, следовательно, вполне может стать пролонгированным на многие десятилетия системообразующим фактором цивилизационного процесса. Надеюсь выразить общее мнение группы ученых, занятых в архивном востоковедении, что оно не станет политизироваться уже в силу прозрачности результатов многонациональной специфики задач, и взаимной проверяемости итогов по публикациям.

Архивное востоковедение по своей специфике оптимально соответствует задачам превращения собственно документа,

единицы хранения, в источник через публичность, через подлинно массовую заинтересованность национальной общественности в приобщении к социокультурным истокам.

Архивное востоковедение подпитывается из социокультурных истоков и расчищает их для общества. Обстоятельные разработки в области архивного востоковедения, особенно совместно с историками из регионов, создание документально выверенных и достоверных картин прошлого, их доступность для научной общественности через публикации фактически сделают невозможными манипуляции типа «управляемого, или мифологизированного прошлого», возвеличивание исторических «заслуг» одного этноса за счет другого, к чему иногда прибегают в пылу избирательных PR-компаний амбициозные политики.

Следовательно, при определенных условиях, но без вовлеченности в прямую политику можно воздействовать сдерживающе на нравственный климат в стране, в регионах, во взаимоотношениях с соседями ближнего и дальнего зарубежья. При «пороге» на пути к истокам надо преодолеть «отсутствие» нашей ветви ориенталистики, среди которых самые значимые:

- создание научно-справочного аппарата и в первую очередь самой методики этой работы;
- упрочение места архивного востоковедения в электронных сетях России;
- рассекречивание.

Третий «порог» – вне компетенции автора.

Однако следует отметить, что резолюция Первой Международной конференции по архивному востоковедению (Москва, 21–23 июня 2008 г.) содержит обращение к соответствующим учреждениям Российской Федерации с просьбой учесть при рассекречивании архивов опыт и интерес востоковедов-архивистов.

Первый «порог» – уточнение методики разработки новых видов научно-справочного аппарата для освещаемой дисциплины особо сложен и тем интересен.

Суть работы в этом направлении состоит в следующем:

- Над архивным востоковедением довлеет дискретность источников, отсюда необходимость приводить их (в справочно-методическом смысле) в удобопользуемое состояние;

– В архивном востоковедении имеется весьма благоприятная среда для определения взаимосвязи документов как шага, предшествующего следующей ассоциативной и аналитической работе собственно уже историка-исследователя, а не «чистого» архивиста-госслужащего.

Архивное востоковедение имеет все необходимое для плавного перехода от системности в обработке документов к системному анализу событий на их основе. Информационный продукт как основной итог в работе с документами архивного фонда России наиболее доступен именно через работу архивного востоковедения.

Автор этой статьи и его коллеги по Институту востоковедения РАН, РАЕН и МГГУ им. М.А. Шолохова поддерживают этот подход не только с позиций граждан великой в своем историческом документальном наследии державы, но и как ученые, считающие «сухим остатком» процесса работы с документами *информационный продукт* в виде справочников, книг, статей и т.д. Хотелось бы отметить высокий уровень специалистов Республики Татарстан, издающих историко-документальный журнал «Гасырлар авазы». Большой интерес представляет издаваемый в Туркменистане международный альманах «Культурные ценности». Замечу, что один из создателей альманаха проф. О.А. Гундогдыев является пионером архивного востоковедения в своей стране, он прошел специальную подготовку под руководством автора в конце 1990-х годов.

Подобные издания – лучший путь консолидации сил национальных, региональных и центральных, сложившихся и еще формирующихся групп востоковедов-энтузиастов активного архивного внедрения в ориенталистику вокруг журнала «Восточный архив» (издается с 1998 г.). Уже имеются пробные варианты применения программ для обработки массивов данных. Полагаем, что обмен электронными носителями информации особенно перспективен для краевых, областных и других архивохранилищ, заинтересованных в привлечении пользователей со всей России и из-за рубежа.

Уместен вопрос о кадрах, подготовленных в контексте востребованности архивного востоковедения. «Востоковед-архивист» видится нам в сбалансированном соотноше-

нии историка и архивиста, отнюдь не помощника историка-востоковеда, но, во всяком случае, и не «сетевой фильтр» от госслужбы, предохраняющий историко-информационное пространство от перегрузки попавшими в обращение документами.

Востоковед, работающий в архивах, сталкивается с рядом специфических трудностей. Одна из главных среди них – отсутствие или недостоверность справочного аппарата, а также уникальность и крайняя разрозненность данных по изучаемому вопросу. Очень затрудняет порой работу особая, «восточная» лингвистическая полисемантика и каллиграфическая витиеватость документов.

Впрочем, эти проблемы, их осознание и выработка путей преодоления могут стать объединяющими моментами в архивном востоковедении при создании специальных единообразных схем работы с документами ориентального профиля. Это уже проблема, созвучная российским архивистам на современном этапе задач их службы. Мы полагаем, что прочувствованное понимание роли государства, характерное для нас, востоковедов, может играть важную роль в специфике архивной работы. Например, отслеживать, чтобы бумаги государственного уровня не выпадали из числа востоковедных источников.

Присущая тем востоковедам, которые годами работали в архивах по темам истории Востока, привычка искать (и делать) ссылку на соответствующий законодательный акт – это один из важнейших путей к единообразию в датировке событий. При многочисленности календарей на Востоке такой подход принципиально важен в любой востоковедческой работе, но носит в себе и культурно-ознакомительную функцию для пользователей-читателей всех уровней. К тому же существенно повышает достоверность извлеченных из документа сведений.

Проблема достоверности актуальна для архивных источников всех уровней. Например, сравнительный анализ весьма перспективен для изучения хранящихся в российских архивах или опубликованных «сказаний иностранцев». Такой авторитетный источник для истории стран Восточной Европы, как османский географ Эвлия Челеби, приобретает новое звучание при сравнении с данными Андрея Лызлова («Скифская история») и сообщениями участников войн за

Чигирин (XVII в.). Четырежды в СССР и Российской Федерации издавался «Дневник» генерала Патрика Гордона, сподвижника Петра I, активного участника боев за Чигирин. Малоизвестный современному турецкому исследователю (из-за языка, стиля и др.), этот документ может обрести первоклассное значение для истории османской армии, если будет дополнен рассказами плененных турок и турецких подданных – выходцев из Дунайских княжеств, участвовавших в серии походов Кара Мустафы-паши на Чигирин через Европейскую Турцию и Украину.

Таковы лишь два примера, свидетельствующие о перспективных и вполне доступных нам способах повышения уровня достоверности при высокой значимости даже общеизвестных источников.

Уже не вызывает дискуссий утверждение автора, высказанное им на съезде Общества востоковедов России в 2000 г., что архивы, работа с фондами – это самостоятельный феномен духовной культуры общества. Разрабатывая в пределах своей компетенции – востоковеда-османиста, работающего в архивах почти полсотни лет, – методологию архивного востоковедения, автор, естественно, затрагивает и общую философию архивного дела, которая фактически только складывается и требует отдельного изложения. Здесь же остановимся на специфике видения «чужого» своими глазами, осознания ситуации в стране пребывания (речь идет о восточных странах) и оценок со стороны лиц, создававших документы ныне архивного хранения.

Проблема иного мировосприятия составляла и составляет, помимо «языкового рифа», одну из главных трудностей в постижении русскими исследователями миров Востока. Об этом написана масса трудов работниками дипломатических, торгово-консультационных и других организаций и учреждений, работающих для России на Востоке и для Востока в России.

Иное дело – ориенталист. Либо он проникся менталитетом изучаемого социума, совершенно, разумеется, не обязательно разделяя таковой, либо востоковед принципиально не состоялся как высокопрофессиональный практик или как ученый. Погружение в ментальное и социокультурное пространство Востока осуществляется, как известно, через язык, литературу, через ис-

торию в ее бесконечном многообразии, через страноведение, наконец, и т.д. Поскольку мы рассматриваем в данной работе труд востоковеда-архивиста, то излишне повторять, что для любого из нас священно слово *источник*. Источник на языке изучаемой страны, тем более исследуемых периода и темы – это «священная корова», это неоспоримо и вечно. Суть трудов ориентальных!

Веками народы соседствовали друг с другом, общались всевозможными способами и средствами, оставили память об этих общениях в самых разнообразных свидетельствах, среди которых письменные источники остаются наиболее притягательными.

Вместе с тем существует особый пласт документальных свидетельств, отложившихся в российских архивах, о народах Востока и о взаимоотношениях России с ними глазами некоей третьей стороны. Речь идет о группе источников достаточно многочисленных и формализованных вполне одинаковым образом, в ряде случаев однообразно структурированных в логическом и хронологическом порядке.

Оценки, произведенные «третьей стороной», по уровню значимости близки к национальным хроникам, летописям и другим аналогичным источникам; иногда и превосходят таковые по объективности и глубине выводов. Документы, о которых идет речь, – это материалы российских постоянных и чрезвычайных посольств в странах Востока. Среди них – доклады, записки, обзоры и пр., подготовленные сотрудниками консульств России. Нередко в глубинных торговых и культурных центрах, вдали от столиц, где пребывали собственно наши посольства.

Таковые документы, отложившиеся, например, в Архиве внешней политики Российской империи, обладают весьма специфическими свойствами. Созданные в среде пребывания (в стране функционирования) дипломатической миссии (военного, торгового, культурного представительства и т.д.) материалы посольств и консульств не могут не носить следов влияния менталитета местного окружения работника миссии, создававшего сей документ. При этом длительность и глубина погружения в среду пребывания находится в прямой зависимости от длительности пребывания автора (авторов) посольских документов в стране.

Достаточно проанализировать, например, опубликованные и вполне доступные отчеты, донесения, записки русских дипломатов и церковных деятелей в XIX в. (К.М. Базили, П.А. Чихачева, о. Порфирия (Успенского), о. Иакинфа (Бичурина) и ряда других), чтобы ощутить «объемность», многомерность взгляда «с третьей стороны».

Автор (авторы) – дипломаты и миссионеры, испытывая объективное давление среды, обязаны были вырабатывать предельно отстраненное видение обстановки в стране пребывания. Возникла бесценная для исследователя ситуация «взгляда изнутри», но при том «с третьей стороны».

Признаем некоторую парадоксальность такого подхода. Впрочем, покажите мне ориенталиста, тем более востоковеда-архивиста, не осознавшего как данность, что парадокс – суть бытия Востока с точки зрения западнцентричного потребителя информации.

Нам представляется, что позиция «отстраненно, но изнутри» обеспечивает оптимальность оценок в документе свидетельства. В Архиве внешней политики Российской империи, в Государственном архиве Российской Федерации, в других отечественных архивах отложилось немалое количество документов именно этого исключительно ценного уровня.

Отстраненная заинтересованность в создании объективной картины политических, экономических, военных, культурно-религиозных и прочих процессов в странах пребывания – это и есть, на взгляд автора, отличительная черта наиболее репрезентативных документов, относимых нами к сокровищам архивного востоковедения.

Эта специфика характерна для нескольких групп документов сферы архивного востоковедения.

Условно говоря, **первая группа** таковых документов подчеркнута сохраняет специфику страны пребывания создателя документа. Фиксировать, допустим, товарооборот в Малакке и в Дарданеллах можно и нужно было по одним и тем же параметрам. Однако ситуативно и лично – характер грузов, отношения наших торговых агентов и консулов с коммерсантами разных вероисповеданий и национальностей, с властями и пр. – обстановка будет весьма различна, существенно будут отличаться сами до-

кументы. Не формально, конечно, а по сути, и оценка духа и буквы документов аналогичного уровня отчетности и принадлежности будет корректнее, если будет осуществлена востоковедом с архивной подготовкой.

Вторая условная группа ранжируемых документов – эта та, которая отражает уровень взаимоотношений дипломатического, торгового, военного представителя России с «центром власти» данной страны Востока. Принципиально важна для исследователя, но не всеми архивными документами бывает сохранена адекватность отношений местных властей в портах, торговых центрах, местах дислокации российских консулов и коммерческих агентов с соответствующими дипломатическими и коммерческими представителями и других стран по аналогии. Здесь незаменима чисто востоковедная широкая подготовка исследователя.

Третья группа документов дает представление о вертикальных («центр – местная власть») и горизонтальных («меж- и внутрирегиональные») отношениях. Первое и второе отслеживается по архивным документам порой с прозрачностью, невозможной для национальных источников, поскольку упомянутая выше отстраненность наблюдательного и компетентного российского представителя и его профессиональная осведомленность по широкому кругу проблем страны пребывания могла иметь исключительный характер.

Отнюдь не ранжируя российские и национальные архивные документы, более того, категорически защищая тезис о необходимости сопоставления и перепроверки данных из тех и других, автор остается убежден в следующем.

«Внешний обзор», или достоверные, перепроверенные востоковедом-архивистом оценки (любого вида и уровня) внешней активности страны пребывания фондообразующего лица (службы) имеют, как правило, первостепенное значение. Прежде всего ввиду «панорамности видения», информированности, многофакторного и многоуровневого характера заинтересованности (что, впрочем, ближе к идеалу, чем к практике, как показывают десятки лет работы и тысячи архивных сообщений, проанализированных автором и его коллегами по Сектору архивного востоковедения Института востоковедения РАН) фондообразующего лица в создании объективного и

четкого, «ясного» отражения действительности в зоне своей ответственности во имя интересов *своего*, в данном случае – Российского государства.

Примером могут служить материалы об активных переговорах, которые вели Япония и Османская империя при посредничестве Англии в Лондоне в период русско-японской войны 1904–1905 гг. Национальные архивы современной Турции, по авторитетной убежденности исследователя – гражданина Турции Ихсана Чомака, не содержат (не обнаружено?) данных об этом принципиальном для истории сепаратном процессе. Достоверная, многократно перепроверенная информация об этом неординарном событии начала XX в. по донесениям русских дипломатов и военных атташе в Лондоне, Стамбуле и Париже легла отныне в мировую документальную копилку. Примеров такого свойства предостаточно в практике любого востоковеда, опирающегося на архивные материалы.

Таковы лишь самые общие группирующие признаки массива документов, подпадающих под признаки особой значимости в архивном востоковедении.

Затронув «достоверность» как один из базовых принципов архивного востоковедения, нельзя не акцентировать своего рода **необратимость архивного документа**. Сомнительно найти в публикациях о странах Востока (да и не только) не подчищенные, не переписанные не раз «набело» хроники, летописи. А возникающие при переложении, размножении, издании такого рода документов лакуны субъективного свойства неизбежны и... как правило, необратимы.

При всей «предсказуемости нашего прошлого», что делалось в интересах ушедших режимов, невозможно вообразить себе осуществляемое в российских архивах «вольное» изложение либо вариант «осмысления» депеш, донесений, сообщений и пр. российских представителей за рубежом. Некоторые документы в СССР могли десятилетиями не выдаваться исследователю, но никому не приходило в голову, например, сфальсифицировать доклады по Корпусу жандармов времен осады Севастополя 1854–1855 гг. Иное дело, большая их часть пролежала в нераспечатанном виде с момента передачи в ставку П.С. Нахимова в руки фельдъегеря и до, скажем, 1981–1982 гг., когда автор данной статьи

получил право (и счастье) с ними *первым* ознакомиться. Это, разумеется, особая история.

Речь идет о нерушимости сохранения *информационной первозданности*, запечатленной в архивном документе. Таковой обычно носит гриф ведомственного (что особенно надежно) либо государственного хранения.

История социальных катаклизмов в России XIX–XX вв. фактически обошла своим испепеляющим взором основные пласты документов о странах Востока в российских архивах. Пребываю в определенной уверенности, что в обозримом будущем документы, ценные для архивного востоковедения, уже не «завалются» Бог знает куда. Например, «деликатные» материалы о десанте Еврейского корпуса на Одессу (1854 г.) или об оплате японскими спецслужбами закавказских социалистов-радикалов в 1904–1905 гг. и в 1917–1921 гг., не «пропадет» оригинал Адрианопольского трактата 1829 года...

Очевидность постулированных выше позиций относительно бесценных для истории мировой цивилизации архивных востоковедных материалов может быть завершена еще одним, возможно, не бесспорным утверждением.

Общеизвестная, много раз проанализированная заторможенность ряда эпох и периодов в развитии стран Востока находила отражение в соответствующих документах российских (и не только) представителей на Востоке. Последние нередко представляли уже совершенно иную социальную систему в своей стране, а там, в странах Азии, время текло замедленно и все свершалось внешне без очевидных перемен...

Так, Франция 90-х годов XVIII в., Россия начала 20-х годов XX в. совершенно иначе воспринимали глазами иного корпуса своих новых представителей события на Востоке, значимые для всех заинтересованных сторон.

Эти незаменимые для имагологических и собственно исторических исследований материалы может дать только архивное востоковедение.

Бесценны для истории нашего Отечества, для истории востоковедения неофициальные, чисто личные заметки, письма, дневники и пр. отечественных востоковедов, которые по тем или иным причинам не

попали в архивный фонд России. Подобные документы могут относиться к частной собственности (см. ст. 9, п. 1, 2 Федерального закона «Об архивном деле в Российской Федерации»). Часть таких документов оказалась за пределами России и доселе не известна исследователям. Например, собрание бумаг в семье наследников российского посланника в Константинополе в середине XIX в. А.П. Бутенёва, с которым фрагментарно удалось ознакомиться автору статьи. Эти материалы увидят свет на страницах журнала «Восточный архив» в 2009 г.

Другие документы находятся в распоряжении наших ныне здравствующих и активно работающих в жанре архивного востоковедения д.и.н. В.В. Белякова (ИВ РАН), д.и.н. Г.В. Горячкина (ИСАА МГУ), к.и.н. А.Н. Хохлова – дуайена архивного поиска среди ориенталистов, и многих других. Работая на Востоке, встречаясь с различными деятелями стран Азии и Африки по служебным и внерабочим вопросам, они накопили массу материалов, которые, прежде чем войдут в архивный фонд РФ (см. Глава 2, ст. 6 ФЗ РФ «Об архивном деле в РФ»), что есть дело более чем медленное, могут стать достоянием научного мира в рамках архивного востоковедения.

Мы все неизбежно уходим в иной мир... Чаше всего не успеваем привести в благоустроенный порядок черновики, фрагменты работ; особенно выписки из архивов, которые стали собственностью суверенных держав (Закавказье, Украина) или погибли, как в бывшей Чечено-Ингушской республике в начале 1990-х годов.

Это еще один редкий, верю, что неиссякаемый источник пополнения Центра архивного востоковедения, создание которого вполне назрело. В настоящее время работа над текущими архивами востоковедов ведется в Отделе истории стран Востока ИВ РАН в рамках журнала «Восточный Архив».

К этой же группе проблем относится и предпринятая журналом постепенная публикация материалов из архива самого Института востоковедения РАН. Для архивного востоковедения просматриваются благоприятные перспективы в том отношении, что ИВ РАН как организация Российской академии наук может выступать в качестве хранителя архивных документов, относящихся и к государственной, и к частной соб-

ственности (см. ст. 7, п. 1.1, ст. 11, п.1, ст. 26, п. 2, 5 Федерального закона РФ «Об архивном деле в РФ»).

Подведем некоторые итоги.

Прагматическая ценность архивного востоковедения связана с рядом очевидных обстоятельств:

1) определение статуса разрабатываемых архивных документов, их датировка с опорой на известные государственные законодательные акты обеспечивает, как правило, большую корректность датировок событий национальных историй стран Востока, имевших иные, по сравнению с Западом, системы счета времени и датировок; синхронизируются процессы и отсчет времени, унифицируются понятийные поля, весьма разнообразные в силу поливариативности развития стран Востока и иных причин;

2) существует реальная возможность, опираясь, например, на российские архивы, создавать картины вертикальных («центр-регион») и горизонтальных (межрегиональных) отношений. Для истории стран Востока достоверность исторического знания такого уровня во многих случаях может быть обеспечена преимущественно через архив, но именно специалистом-востоковедом, руководствующимся принципами архивного востоковедения;

3) анализ зафиксированных в российских архивных документах событий и реакции на таковые, например, в сопредельных странах (Россия – Турция – Иран – Китай и др.) напрямую коррелируется с исторической позицией государства, летописец которого, возможно, фиксировал эти же события и факты; реализуется уникальная вероятность сочетания политической прагматики и научной корректности;

4) работа архивиста-ориенталиста дает редкую возможность сформулировать исторически достоверные выводы в интересах как страны-фондодержателя, так и страны-пользователя документов одновременно, поскольку вырабатывается единый информационный продукт.

Архивное востоковедение предполагает публикацию информационного продукта значительно быстрее, чем иные формы и методы работы с источниками межнационального, межгосударственного общения, прежде всего ввиду значительного круга сторон, заинтересованных в получении эксклюзивных материалов.

Глубоко позитивным, научным и одновременно важным этическим фактором является работа востоковедов заинтересованных сторон (стран), изначально планируемая как совместная и паритетная. При этом информационный продукт архивного востоковедения обладает уникальной проверяемостью, достоверностью и сопоставимостью данных, не имеющих аналогов.

Архивное востоковедение изначально не оставляет места ни управляемому прошлому, ни его мифологизации.

Одной из самых динамичных наук гуманитарного цикла – ориенталистике адекватна ее составляющая *orientalistica archivica* с огромными ресурсными возможностями в виде национальных архивных фондов, к которым еще не прикасалась ру-

ка исследователя-ориенталиста. Истину да обретет ищущий.

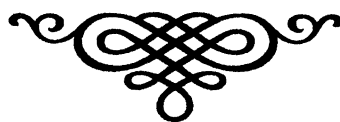
Примечания

¹ Например, Научно-практическая конференция «Проблемы зарубежной архивной России». М., 1993; Международная научная конференция «Архивное востоковедение». Москва, 2008.

² Основные положения, касающиеся регулирования государственной политики в области архивного дела, прописаны в Федеральном законе Российской Федерации от 22 октября 2004 г. // Российская газета. 2004. № 125. Текст Федерального закона см. также: Отечественные архивы. 2005. № 1. С. 3–20.

³ См ст. 3, п. 1–10 Федерального закона РФ «Об архивном деле в Российской Федерации».

⁴ См: Кузнецова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVIII – 1917). СПб., 1994.

Д.М. Тимохин (ИБ РАН)

СВЕДЕНИЯ О ПОСОЛЬСТВЕ ХАЛИФА АН-НАСИРА К ЧИНГИЗ-ХАНУ В СОЧИНЕНИИ ПЕРСИДСКОГО ИСТОРИКА МИРХОНДА

В данной статье будет предпринята попытка рассмотреть приводимые персидским историком Мирхондом сведения о посольстве халифа ан-Насира ко двору Чингиз-хана накануне монгольского нашествия на Среднюю Азию в 1219 г. Актуальность данной проблемы состоит в том, что ни в отечественной, ни в зарубежной историографии мы не находим ни одного отдельного исследования приводимых Мирхондом сведений, а также исторических трудов, посвященных в целом проблеме дипломатических связей халифа ан-Насира и Чингиз-хана накануне монгольского нашествия на Среднюю Азию. Кроме того, отечественная историография представляет проблему дипломатических отношений между ан-Насиром и Чингиз-ханом как практически решенную. Большинство исследователей, начиная с В.В. Бартольда, рассматривают ее в одном русле, исключая всякое иное толкование. Вот что писал В.В. Бартольд относительно посольства халифа к монголам. «Едва ли поэтому следует придавать значение известию, будто монголов призвал против Хорезмшаха халиф Насир. Подробный рассказ об этом мы находим только у Мирхонда; в XIII в. это известие существует только в виде неопределенных слухов, которые при враждебных отношениях между халифом и Хорезмшахом не могли не возникнуть. Таким же образом в Европе приверженцы папы утверждали, что монголов призвал Фридрих II, а приверженцы императора обвиняли в том же самом папу. Халиф действительно искал себе союзников среди восточных соседей Хорезмшаха и с этой целью отправлял послов сначала к Гуридам, потом к Кучлуку; но нет основания полагать, что он обращался к содействию восточноазиатских государей»¹. Примерно так же считали и многие отечественные и зарубежные специалисты, изучавшие после В.В. Бартольда проблему монгольского нашествия на Среднюю Азию.

Сведения из сочинения Мирхонда и ряда других арабо-персидских источников

позволяют нам выстроить качественно новую картину событий. В данной статье нами будет рассмотрена, как уже отмечалось выше, та часть сочинения Мирхонда, где он подробно останавливается на описании посольства халифа к монголам и попытках наладить дипломатические отношения между Багдадом и государством монголов. Нашей первоочередной задачей станет не только анализ самого источника, но и попытка связать ту информацию, которую он содержит относительно посольства халифа, со сведениями из других памятников арабо-персидской историографии эпохи монгольского нашествия.

Таким образом, изучение сведений, содержащихся в труде Мирхонда, вместе с информацией из других источников поможет нам с большей долей вероятности ответить на вопрос, было ли нашествие монголов на Хорезм только идеей Чингиз-хана, не подталкивали ли его к этому другие силы. В результате мы сможем несколько лучше понимать политическую ситуацию в Азии накануне нашествия монголов, что сделает безусловно и более ясной картину самого нашествия.

Прежде чем перейти к рассмотрению того, что написал Мирхонд о посольстве халифа к монголам, надо сказать о том, что могло послужить причиной такого посольства. Главной причиной мог стать затянувшийся конфликт между халифом ан-Насиром и Хорезмшахом Ала ад-Дином Мухаммадом. По мнению ряда историков того времени, халиф затеял тонкую дипломатическую игру с целью разрушить Хорезмийское государство руками кочевников-монголов. После завоевания Персидского Ирака в 1215 г. Хорезмшах стал готовиться к походу на Багдад: его отношения с халифом были уже давно испорчены. Причиной конфликта стали претензии Мухаммада на роль владыки, султана мусульман. Этому халиф категорически не хотел признавать. «Когда авторитет султана возрос, и великим стало имя его <...> он начал энергично требовать гос-

подства и власти в Багдаде, таких же, какие были у рода Сельджука. Он не раз отправлял послов с такой миссией, но не получил согласие на то, о чем просил. Между тем он не оставлял намерения получить то, чего хотел, и считал, что наступит время, благоприятное для осуществления желания и достижения долгожданной цели»².

Кроме того, были и другие причины, приведшие к конфликту. Во-первых, в 1212 г. караван матери Джалал ад-Дина Хасана, владыки исмаилитов Аламаута, во время хаджа был поставлен халифом впереди караванов других султанов и маликов. Следует отметить, что в этот период происходит сближение ортодоксальных суннитов и крайних шиитов – исмаилитов Аламаута. Дело в том, что владетель Аламаута Джалал ад-Дин Хасан отказался от изоляции и пошел на сближение с Багдадом. «Политика сближения с мусульманами суннитами, предпринятая Джалал ад-Дином Хасаном, безусловно, благоприятно сказалась на развитии низаритской общины, в течение нескольких десятилетий до того находившихся в положении маргиналов – «еретиков»»³. Ан-Насир активно поддержал это начинание исмаилитов и всячески подчеркивал свое расположение к этой общине. Именно с этим связан факт, отмеченный в ряде источников: «В году 609⁴ Хасан III отправил свою мать в паломничество. Халиф принял эту [принцессу] с уважением и дал ей подарок первенства в том над другими паломниками»⁵. Видимо, не все владыки мусульманского мира согласны были считать своими вчерашних еретиков, исмаилитов, чьи смертники и убийцы – ассасины были хорошо известны по всему Востоку. В ответ на это в том же 609 г.х. Хорезмшах собрал улемов и имамов Хорезма и заполучил от них фетву на низложение Аббасидов и назначение халифом потомка Али ибн Абу Талиба – Ала-ал-Мулька ат-Термези. Таким образом, Хорезмшах Мухаммад переходит на позиции шиизма и противопоставляет свою державу в религиозной сфере ортодоксальному суннитскому Багдаду. Шиизм был достаточно силен на территории Ирана и, склоняясь к этому течению в исламе, Хорезмшах мог рассчитывать на значительную поддержку населения.

Во-вторых, в 1215 г. при захвате Газны армией Хорезма в архиве гуридских султанов были обнаружены послания халифа ан-

Насира султанам Гура, в которых халиф подстрекал их к походу против Хорезмшаха. Были обнаружены такие же письма халифа к кара-китайским эмирам. «Ала ад-Дин Мухаммад узнал из захваченной дипломатической корреспонденции, что Халиф в прошлом подстрекал Гуридов против него и теперь использовал исмаилитских ассасинов для устранения своих оппонентов. Вследствие этого его антихалифская позиция усилилась, он был не в состоянии рассчитывать на суннитское течение, и поэтому шах принимает шиитский курс. Он потребовал фетву от религиозных авторитетов своей империи, провозглашающую, что ан-Насир неспособен к управлению и что Аббасиды узурпировали Халифат у дома Али, и он объявил сейида Ала аль-Мулька Термези антихалифом»⁶. Все это способствовало тому, что Хорезмшах окончательно решил идти на Багдад, и все попытки халифа к примирению были бесплодны.

Поздней осенью 1217 г. войска Хорезмшаха выступили на Багдад. «Он послал перед собой такое количество войска, что ими были заполнены степи и пустыни, но даже и они, при всей своей обширности, не могли их вместить»⁷. У Казвини мы находим следующее описание этого похода: «Султан направился из Хамадана в Багдад... Добравшись до труднопроходимого перевала Асед-Абад, он не нашел дороги из-за снега. Все армейские лошади умерли, и он потерял много людей. Поневоле султан повернул к Хамадану, его престиж упал, и он не считал больше свои замыслы против Багдада хорошими»⁸. Так бесславно закончился этот поход, и впоследствии султан уже не решался активно действовать против халифа. Его хватило лишь на унижение имени халифа в своих землях – в феврале 1218 г. в Нишапуре он приказал не упоминать имени халифа в пятничной молитве, заявляя, что тот мертв. К тому же с востока надвигалась новая опасность, и слухи о ней все настойчивее доходили до Хорезма – приближались монголы.

Именно с описания данного конфликта и начинается свое повествование о посольстве халифа к монголам Мирхонд, а точнее, с того момента, когда Хорезмшах Мухаммад решает поставить халифом сейида Ала аль-Мулька Термези. «Поскольку нежные нервы султана Мухаммада Хорезмшаха не выдержали и он был обижен на поведение На-

сира-халифа, он договорился с Сеид-алаль-Мультком Термези противостоять Насиру-халифу. Этот вопрос отражен на страницах 4 тома этого сочинения. И Насир-халиф, узнав об этом, потерял покой, пригласил всех придворных и знать и посоветовался, как создать препятствие этому союзу двоих и кого им противопоставить»⁹.

В данном случае Мирхонд весьма кратко описывает сложившуюся ситуацию в отношениях Багдада и Хорезма, но он говорит об этом подробнее в той части своего сочинения, которая посвящена династии Хорезмшахов. При этом Мирхонд пишет о том, о чем молчат историки-современники монгольского нашествия, а именно о состоявшемся совете халифа со своими приближенными, на котором решался вопрос о противостоянии Хорезму.

«И так как в это время величественная слава Мировокопителя и слух о мощи правления Чингиз-хана в большие города и страны земли проник и распространился по всему миру, один из везиров заявил, что болезнь властолюбия Хорезмшаха и пыль смуты взволновавшую [нас] может утолить только сэканджабин¹⁰ величия Чингиз-хана и только закаленный меч огонь в нем (султане Мухаммаде. – *Д.Т.*) угасит. И по этому случаю необходимо, чтобы Махмуд Ялвач, который мудрым маликом и полновластным хозяином улуса был, стал посредником. Халифу этот совет пришелся по нраву, он приказал, чтобы Махмуду послание написали, осведомляющее о просьбе Чингиз-хана и монгольское войско»¹¹.

Отметим тот факт, что Мирхонд не дает точной датировки времени отправки посольства, и с уверенностью можно лишь говорить о том, что посольство, если оно действительно имело место, произошло в период между 1217 и 1219 г. Начальная дата определяется временем похода на Багдад султана Мухаммада, а конечная – началом монгольского нашествия на Среднюю Азию. Можно предположить, что организация и отправка посольства произошла накануне Багдадского похода или сразу после него. В пользу первой версии говорит то, что в отрывке, взятом нами из сочинения Мирхонда, нет никакого упоминания этого похода, и видимо коалицию против Хорезма халиф начал создавать раньше, нежели Хорезмшах сам приступил к активным действиям. Однако поскольку сочинение Мирхонда – ис-

точник все-таки более поздний, в нем может присутствовать некоторая погрешность в области хронологии. В этом случае окончательно нельзя отметить версию о том, что посольство в Монголию было послано после Багдадского похода.

Более ранние, чем Мирхонд, арабо-персидские историки также не предлагают точной датировки возможного посольства. Ал-Макризи в своем сочинении «Китаб ас-сулук ли-марифат дувал ал-мулук» дает нам косвенные предположения о дате отправления посольства. «В его (ан-Насира. – *Д.Т.*) правление татары опустошили страны Востока. Они добрались даже до Хамадана. Причиной тому было следующее: он (ан-Насир. – *Д.Т.*) действительно писал, подстрекая к нашествию на эти страны, страшась султана Ала ад-Дина Мухаммада, сына Хорезмшаха, когда тот вознамерился захватить Багдад и превратить его в столицу своего государства, как это было при Сельджукидах»¹². Ибн Васил говорит об этом несколько яснее: «Когда Хорезмшах двинулся на Багдад, халиф написал Чингиз-хану, владыке татар, подстрекая его напасть на страну Хорезмшаха»¹³.

В пользу более поздней датировки посольства говорит и следующий отрывок из сочинения Мирхонда. «В сердце Чингиз-хана камень обосновался, и день ото дня мысль искоренить султана и завоевать его государство в мозгу Чингиз-хана утвердилось. Но по случаю некоторого соседства и договора, который в это время между ними существовал, рукой по узде внимания ударил и устыдился, что ужасные преступления и проступки станут причиной разрушения обещаний и договора»¹⁴.

Здесь говорится о том, что на момент прибытия посольства к Чингиз-хану между монголами и Хорезмом существовал некий договор, и это заставляет нас склоняться к тому, что посольство халифа было у Чингиз-хана не ранее 1217 г. и не позднее 1218 г., когда произошел Отрарский инцидент, после которого Чингиз-хан вряд ли стал бы считаться с какими бы то ни было обещаниями и договорами. Скорее всего, посольство было создано и отправлено сразу после багдадского похода: халиф не был уверен в том, что Хорезмшах не сделает второй попытки захвата его столицы, и поэтому было необходимо отвлечь Мухаммада, чтобы тот вел боевые действия на востоке

против монголов, а не на западе против войск ан-Насира.

Сведения из других источников подтверждают нашу мысль о том, что посольство было послано в период после Багдадского похода и прибыло к Чингиз-хану до Отрарского инцидента. Помимо вышеупомянутых слов Ибн Василя следует сказать и о том, что написал в своем труде Абу-л-Гази. Его «История монголов и татар» относится к 1663 г., но, несмотря на это, содержит весьма любопытные сведения относительно времени посольства халифа к монголам. «Чингиз-хан утвердил подписание договора с султаном Мухаммадом, решив ничего не предпринимать против султана, пока он (Мухаммад. – Д.Т.) не предпримет против него самого каких-то враждебных действий. Вопреки послу, который к нему был направлен из Багдада халифом Насиром, он (Чингиз-хан. – Д.Т.) оставил без внимания предложения, которые ему были сделаны, и он (Чингиз-хан. – Д.Т.) никак не думал нарушать этот договор, до того момента, как он узнал, что его послы и купцы были убиты Гаир-Ханом по приказу султана Мухаммада»¹⁵.

Итак, определив примерно возможное время отправки посольства, отметим и тот факт, что халиф решил действовать через одного из мусульманских придворных Чингиз-хана – Махмуда Ялвача. Именно этот купец и доверенное лицо хана должен был стать посредником при переговорах и помочь послам халифа заключить договор с монгольским правителем. Махмуд Ялвач был известной и значительной личностью той эпохи, но ни в одном из источников не встречается упоминаний о том, что он был посредником при переговорах с халифом.

Мирхонд также пишет о том, что в ходе совета халифа с придворными были разные точки зрения на то, стоит ли отправлять гонцов ко двору Чингиз-хана или нет. В итоге победила та точка зрения, что государство Хорезмшахов должно быть уничтожено любыми средствами, в том числе и посредством монгольского нашествия. «Некий эмир из той группы людей (придворных. – Д.Т.) появился, который причиной несчастья и сожаления станет, халифу сказал: “И пятьдесят лет спустя в странах ислама спокойствия и могущества не будет! На самом деле [надо] одобрить уничтожение основания силы и могущества Мухаммада Хорезмшаха!”»¹⁶.

Поскольку гонцу, для того чтобы доставить письмо Чингиз-хану, пришлось бы проезжать через владения Хорезмшаха Мухаммада, был риск того, что гонца могли схватить и захватить послание, что лишний раз подтолкнуло бы Ала ад-Дина Мухаммада к агрессивным действиям против Багдада. Для того чтобы избежать ненужного риска, было принято следующее решение: гонец учил послание наизусть, а затем ему обривали голову и выцарапывали послание на коже, а когда волосы отрастали – гонец отправлялся в путь. «Затем из тех придворных некоторые халифу сказали: “И голову человека того надо обрить, и послание его (халифа. – Д.Т.) иглой на коже написать”. К достижению того усилия направили и его (придворного. – Д.Т.) с просьбой к падишаху Миропокорителю Чингиз-хану в Моголистан направили. Его скакун днем и ночью места стоянки проезжал, и привалы прерывал и к цели прибыл»¹⁷.

Вышеуказанный способ передачи послания практически исключал возможность того, что письмо могут перехватить, а нацарапанный на коже гонца текст являлся подтверждением его слов. «Значение события для Махмуда Ялвача стало ясным, Махмуд в тот самый миг доложил, что из столицы ислама, Багдада, человек прибыл и такое сообщение привез. Чингиз-хан к лазутчику обратился с речью: “Каково доказательство искренности твоей речи?”. Шпион сказал: “Голову мою осмотри, чтобы правда моя известной тебе стала, когда волосы с головы моей сбросишь – то послание увидишь. Причина такого поведения с нашей стороны за пределами Альнахра¹⁸ и Хорасана – желание уничтожить династию Хорезмшахов»¹⁹.

Несмотря на заманчивое предложение халифа ан-Насира, Чингиз-хан, согласно сочинению Мирхонда, отказался от союза с халифом и нападения на государства Хорезмшахов-Ануштегинидов, предложив ан-Насиру самому воевать с Ала ад-Дином Мухаммадом. «Спокойствие и терпение решил знаменем своим сделать, до того времени, когда причины подготовленного движения ясными станут. И халифу правду об устремлении династии своей сказал и в сокрушении дворца величия династии Хорезмшахов предложил самому постараться»²⁰. Мирхонд подчеркивает, что Чингиз-хан при творно отказался от союза с Багдадом, не

желая связывать себя договорами и сохранить видимость мира с Хорезмом, но про себя решил со временем напасть на это государство.

Не согласившись на союз с Багдадом, Чингиз-хан, вероятно, выяснил для себя следующее: в случае войны Хорезм не получит помощи и какой-либо поддержки с запада. Открытый союз с Багдадом мог помешать действиям монголов, поскольку этот союз четко определял, кто будет виновником будущего нашествия, для Чингиз-хана же, как видно из дальнейших событий, было важно вывести виновником войны самого султана Ала ад-Дина Мухаммада. Монгольская дипломатия явно оказалась на высоте в этой ситуации: получив необходимые сведения, монголы не вступили в невыгодный для них союз.

Таким образом, сочинение Мирхонда содержит весьма ценные сведения относительно возможного посольства халифа ан-Насира к Чингиз-хану накануне монгольского нашествия на Среднюю Азию. Предоставляемая этим историком информация, а равно и сведения из других источников позволяют нам предположить, что подобное посольство имело место. С одной стороны, это – предположение, поскольку существующий корпус источников не дает нам возможности говорить об этом факте более категорично в силу своей относительной скудости. С другой стороны, подобное предположение достаточно вероятно, и доказательств тому мы приводим выше.

Рассказ Мирхонда о посольстве халифа, как уже отмечалось выше, является, пожалуй, единственным столь подробным описанием данного события, что заставляет нас предполагать следующее. Либо автор воспользовался для этого каким-то не дошедшим до нас источником, либо опирался на отдельные обрывочные сведения и слухи, которые имели место, начиная с самого монгольского нашествия на Среднюю Азию 1219 г. Так, например, о таких слухах упоминает Ибн ал-Асир в своем труде «Ал-Камил фи-т-тарих»²¹ («Полный свод по истории»). «И если правда то, что приписывают ему персы, именно что он побудил татар напасть на мусульманские страны и что он к ним с этой целью отправлял послов, то он совершил деяние, превышающее самые великие грехи»²².

Однако в силу того, что сочинение Мир-

хонда – источник достаточно поздний, а других столь же подробных описаний в более ранний период мы не встречаем, следует крайне осторожно использовать указанные сведения, а само существование посольства считать явлением возможным, но далеко не доказанным.

Тем не менее рассмотренный нами сюжет о посольстве халифа к монголам вносит значительные изменения в понимание такого явления, как монгольское нашествие на Среднюю Азию в 1219 г., а также в саму картину восточного мира в Средние века. Видимо, не следует считать средневековый Восток системой замкнутых регионов, само монгольское нашествие наглядно показало, что уже тогда эффективно использовалась разведка, сбор сведений о соседях, а дипломатия в странах региона действовала достаточно активно. Сам факт посольства халифа к монголам показывает то, что в Средние века активно использовалась практика привлечения третьей силы для решения внешнеполитических проблем.

Следует также добавить, что упомянутый рассказ Мирхонда о посольстве халифа приводит к выводу, что проблема монгольского нашествия на Среднюю Азию далеко не столь изучена, как это может показаться на первый взгляд. Кроме того, как мы постарались показать в рамках данного исследования, сами по себе арабо-персидские источники, повествующие о монгольском нашествии, требуют дополнительного внимания со стороны как отечественных, так и зарубежных исследователей.

Примечания

¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. М., 1963. Т. 1. С. 467.

² Ан-Насаби. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. Баку, 1973. С. 57.

³ Дафтари Ф. Краткая история исмаилизма. Традиции мусульманской общины. М., 2004. С. 154–155.

⁴ 3 июня 1212 – 22 мая 1213 г.

⁵ Hamdallah Kazvini. Tarihi gouzide. Paris, 1903. Vol. I. С. 509.

⁶ Cambridge History of Iran. Cambridge, 1968. Vol. 5. P. 184.

⁷ Ан-Насаби. Указ. соч. С. 64.

⁸ Hamdallah Kazvini. Op. cit. P. 397.

⁹ Mirhond. La vie de Genghis-khan. Paris, 1840. P. 520.

¹⁰ Напиток из уксуса и меда.

¹¹ Mirhond. Op. cit. P. 520.

- ¹² Цит. по: *Буниятов З.М.* Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов. 1097–1231 гг. М., 1986. С. 125.
- ¹³ Там же. С. 126.
- ¹⁴ *Mirhond.* Op. cit. P. 103.
- ¹⁵ *Abul-Ghazi Behadour Khan.* Histoire des Mogols et des Tatares. St.-Petersburg, 1874. Т. 2. P. 105.
- ¹⁶ *Mirhond.* Op. cit. P. 521.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ Имеется в виду Мавераннахр.
- ¹⁹ *Mirhond.* Op. cit. P. 521.
- ²⁰ Ibid. P. 522.
- ²¹ Ibn al-Asir. Al-Kamil fi-t-tarih // Journal Asiatique. Paris, 1849–1850. Т. XIII–XV.
- ²² *Ибн ал-Асир.* Указ соч. Цит. по: Татаро-монголы в Азии и Европе: Сб. ст. М., 1977. С. 117.

О.П. Шкедя
(Крымский центр гуманитарных
исследований, Симферополь)

ТУРЕЦКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В РОССИИ ВО ВРЕМЯ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Крымскую (Восточную) войну 1853–1856 гг. нередко называли «последней рыцарской войной». Действительно, на поле боя противники проявляли в отношении друг друга крайнее ожесточение. Периоды же перемирий, контакты в небоевой обстановке являют нам многочисленные примеры человечности и взаимного уважения. В полной мере это относится и к отношению противоборствующих сторон к военнопленным. Правда, по нашему мнению, благородство и даже сострадание к уже поверженному врагу в наибольшей степени было характерно для русских, нежели для союзников. В любом случае, участь пленных этой войны не идет ни в какое сравнение со страданиями, выпавшими на долю их собратьев по несчастью во время большинства последующих европейских войн. Особый интерес в связи с этим вызывает судьба оказавшихся в плену военнослужащих османской армии, которые, в отличие от англичан и французов, были не только традиционными военными противниками русских, но и являлись представителями иной, неевропейской цивилизации.

Первые турецкие военнопленные начали поступать вскоре после начала военных действий. Уже 4 октября 1853 г., в день, когда Блистательная Порта объявила России войну, русский пароходо-фрегат «Бессарабия» захватил турецкий пароход «Медар-и Тиджарет», команда которого сдалась без боя. На следующий день состоялся бой между турецким 10-пушечным колесным пароходом «Перваз-и Бахри» и русским пароходо-фрегатом «Владимир», в результате которого турки вновь вынуждены были спустить флаг. В последующем произошло еще несколько столкновений, крупнейшим из которых стало Синопское сражение. Турецкий флот потерпел сокрушительное поражение, а среди пленных в числе до двухсот человек находились раненый в ногу командующий турецкой эскадрой Осман-паша, командиры фрегата «Фазлуллах» (бывший российский «Рафаил») и корвета

«Фейз-и Мабуд»¹. Позже, вернувшись из русского плена, Осман-паша представил турецкому правительству доклад, в котором содержались данные на 156 турецких моряков, которые после временного содержания в севастопольском карантине были переправлены в г. Орел. По предложению командующего турецким флотом Мехмед Али-паши, переданному великому визирю, их предлагалось обменять на двадцать русских пленных моряков, содержавшихся в стамбульском арсенале Терсане-и Амирэ².

Некоторое количество турецких пленных поступило с дунайского театра военных действий, но особенно большой их наплыв начался с открытием кавказского фронта. Из знаменательных боевых эпизодов на Кавказе следует выделить дело при Башкадыclare, завершившее кампанию 1853 г., а также сражения лета 1854 г. – на Чингильских высотах и при Курюк-Дара, в которых османская армия потеряла только пленных 400 и 2 тыс. человек соответственно.

16 ноября 1855 г., после почти пятимесячной осады, капитулировал гарнизон Карса. Сложили оружие и сдались в плен 12 пашей, 665 штаб- и обер-офицеров и до 8 тыс. нижних чинов османской армии, и это не считая почти 2 тыс. турецких военнослужащих, находившихся в госпиталях города по болезни или ранению³. Русская армия не могла обременять себя слишком большим количеством пленных. В связи с этим было принято предложение британского военного комиссара при анатолийской армии, фактически являвшегося командующим карским гарнизоном, генерала Вильямса считать за таковых только военнослужащих регулярной армии (низам). Военнослужащие же, призванные из резерва (редиф), ополчение и нестроевые чины (писари, переводчики, служители при больных) получили разрешение возвратиться в свои дома. В соответствии с условиями капитуляции за турецкими офицерами сохранялось право ношения в плену сабли. Плена и наказания избежали

находившиеся в рядах защитников крепости поляки и венгры числом в 10 человек, которые, в соответствии с договоренностью, также были отпущены.

По приказу генерала Н.Н. Муравьева, командовавшего осадой Карса, для капитулировавшего турецкого гарнизона был приготовлен обед – щи с говядиной и каша. В общей сложности накормлено было более восьми тысяч человек. Изголодавшиеся во время осады солдаты с жадностью набросились на еду. «Многие из них, насытившись вдоволь, не могли подняться и следовать за своими товарищами; были и такие, которые, поев не в меру, умерли на месте»⁴.

Перед русским командованием встала проблема переправки более чем восьми тысяч военнопленных в пределы Российской империи. В целях безопасности их разделили на пять партий и отправляли одну за другой с интервалом в двое суток. Первая партия ушла уже 18 ноября. Остальные находились под вооруженной охраной в нескольких верстах от главного лагеря русской армии. Пленные обеспечивались сухарями и мясом. Тем не менее, не удалось избежать смертности среди больных и изнуренных осадой. Ситуацию осложнили снег и морозы. Последняя партия пленных ушла 26 ноября.

Первым перевалочным пунктом на пути в Россию стал Александрополь (нынешний Леникан). Наиболее слабые числом до 1200 человек были распределены по местным госпиталям, остальные направлены далее в Тифлис, где для них были отведены карантинные строения. Отправление в Россию также осуществлялось партиями, причем военнопленные были снабжены полушубками, сапогами и обеспечены путевым довольствием.

Необходимо отметить, что русское командование не бросило на произвол судьбы бывших противников, оставшихся в Карсе. 19 ноября генерал Муравьев посетил госпитали, в которых находились раненые и больные турецкие солдаты. Многие из них не получали медицинской помощи, пищи и воды. Умерших не выносили, они лежали рядом с живыми. Недолго думая, генерал Муравьев приказал заключить под стражу в одном из госпитальных помещений главу местной администрации, на которого была возложена обязанность содержания госпиталей. Через несколько часов сумма, необходимая для продовольствия больных, бы-

ла найдена. Для ухода за больными из числа турок были оставлены врачи в количестве 24 человек, которым было даже назначено жалованье.

После высадки союзников в Крыму турецкие военнослужащие попадали в плен и там, хотя и в меньших количествах. Это объясняется тем, что непосредственное участие в боевых действиях принимали преимущественно англичане и французы, а турки по-крупному отличились лишь при обороне Евпатории и в балаклавской операции. После Балаклавского сражения русские солдаты принесли на медицинский пункт вместе со своими товарищами «раненых пеших турок и кавалеристов-англичан», и всем, независимо от национальности, была оказана помощь. После этого пленных, вплоть до их отправки вглубь России, поместили в деревне Чоргун, большая часть которой была предоставлена в пользу лазаретов. «Англичане гласно заявляли свое удивление русской гуманности и знаниям; одни турки только все побаивались, что их откармливают на убой. Последние все что-то вымаливали и в чем-то уверяли – вероятно, в своей простоте считая ласковое с ними обращение в лазарете только временным»⁵.

С театров военных действий на поселения турецкие военнопленные направлялись во внутренние губернии Российской империи и в своем большинстве были размещены в таких городах, как Смоленск, Орел, Курск, Ярославль, Суздаль. Некоторое их количество осело в Харькове и Екатеринославе (нынешний Днепропетровск). При принятии решения, куда направлять пленного, иногда учитывалось его вероисповедание. В соответствии с одним из распоряжений императора военнопленных из турецких подданных-мусульман направляли в Орел, а христиан – в Курск⁶. Отдельные категории военнопленных, по тем или иным причинам представлявших интерес для военного или полицейского ведомств, направлялись не на поселение, а в столицу. Так, в декабре 1853 г. Одесской жандармской команды поручик Ярновецкий докладывал рапортом в штаб корпуса жандармов о том, что «пленных египетских офицеров, взятых на египетском пароходе Перваз-Бахри в Черном море на Азиатской стороне: двух капитанов Абдула Латифа и Ямурла, двух поручиков Палажина и Османа и в чине поручика араба доктора Ядаллу» по прибытии

в Санкт-Петербург он препроводил в Петропавловскую крепость⁷.

Условия содержания, этапирования, вещевого обеспечения и выдаваемых денежных сумм были строго регламентированы и зависели от таких факторов, как воинское звание, должность и национальность военнопленного. По высочайшему указанию и в соответствии с оставшимся в силе положением от 1829 г., «в исполнение параграфа 15 оного», каждому из пленных чинов предписывалось отпускать по 1/2 фунту мяса в день. Кроме этого, во исполнение параграфа 35 данного положения предписывалось во все время пути от границы государства до губернских пунктов выплачивать пашам по 50 коп., офицерам – по 25, а нижним чинам – по 9 коп. серебром в сутки на человека⁸. При этом добавлялось, что «пашам, сообразно чинам их, производить содержание, равняющееся определенным табелью окладам жалованья генералов военно-сухопутного ведомства, не назначая им столовых денег»⁹. Следующие пункты положения регламентировали порядок и условия перевозки военнопленных.

– Пашей и штаб-офицеров из турецких подданных отправлять на почтовых в пункты, указанные для жительства их во внутренних губерниях.

– Обер-офицеров из турецких подданных отправлять по назначению на обывательских подводах, полагая по одной на двоих¹⁰.

Далеко не всем иностранцам, служившим в османской армии, удавалось избежать пленения подобно тому, как это было при сдаче Карса. Для взятых в плен поляков, венгров и выходцев из других стран Европы предусматривались более жесткие условия этапирования. Так, в соответствии с тем же указом, «лиц других наций, служащих в рядах турецких войск, взятых с оружием в руках, препровождать без различия чинов обыкновенным этапным порядком под строжайшим наблюдением. Лицам же других наций, занимающих в турецких войсках нестроевые должности, как то – медикам, а также главным на пароходах инженер-механикам, назначать по одной подводе на двоих и суточные деньги медикам по сравнению с штаб-офицерами, а машинистам по сравнению с обер-офицерами»¹¹.

В зависимости от времени года военнопленные обеспечивались одеждой и обувью. По насущной потребности каждому пред-

писывалось выдавать из крестьянского сукна шинель, куртку, широкие брюки «на покрой турецких», сапоги и две рубахи, а сверх того в зимнее время отпускать полушубки, теплые рукавицы, портянки и наушники. Документы, относящиеся к крымскому театру военных действий, свидетельствуют даже о некоторой заботе о военнопленных. Принимая во внимание суровые зимние условия и плохое состояние одежды большей части попавших в плен, приказом от 3 января 1855 г. исполняющий должность военного губернатора г. Симферополя и Таврического гражданского губернатора генерал-майор граф Н.В. Адлерберг предписал полиции «выдавать военнопленным все, что им следует, по положению, не в день отправления их из Симферополя по назначению, а в день прибытия их сюда»¹².

Отдельного внимания заслуживает вопрос, связанный с конвоированием и охраной военнопленных. Несмотря на условия военного времени, столь важные мероприятия нередко осуществлялись чуть ли не номинально. Естественно, что в условиях военного времени явные случаи халатности не могли не обращать на себя внимания военного руководства. Воинские начальники неоднократно высказывали свою озабоченность по поводу того, что солдаты противника, захваченные в плен перед севастопольскими укреплениями, проходя через бастионы, могли наблюдать расположение резервов и внутренних укреплений. На пути из Севастополя через Симферополь и далее, при наличии неудовлетворительной охраны, пленные располагали возможностью получать наглядные сведения о расположении и передвижении русских войск. Судя по сохранившимся документам, случаи беспечности в охране пленных, имевшие место в отдаленном тылу, вблизи театра военных действий носили еще более массовый характер. Летом 1855 г. граф Адлерберг писал мелитопольскому городничему: «Дошло до сведения, что военнопленные, проходящие через г. Мелитополь, беспрепятственно на совершенной свободе расхаживают по городу, вопреки существующему правилу и здравому смыслу, по которому одно название военнопленный ясно указывает, что он свободой пользоваться не должен»¹³.

В результате главнокомандующий Южной армией издал приказ, в соответствии с которым ужесточались правила надзора за

военнопленными во время их этапирования. На чины, осуществлявшие надзор за пленными, налагалась ответственность за то, чтобы круг лиц, имеющих доступ к пленным, ограничивался губернаторами, воинскими начальниками, комендантами и командированными от них чиновниками. К больным и раненым военнопленным разрешено было допускать «только госпитальное начальство, сестер милосердия, сердобольных вдов, медиков и тех лиц, которые посылаются для осмотра госпиталей»¹⁴. Обращает на себя внимание гуманность к пленным, проявлявшаяся как русским военным руководством, так и гражданской администрацией. В вышеупомянутом приказе князь Горчаков не забыл добавить, что «при соблюдении сих правил руководствоваться однако же вежливостью и человеколюбием, обращаться с ними (пленными. – *О.Ш.*) вообще ласково, заботиться о хорошем их положении и довольствии, но при том не позволять им свободных прогулок по городу, а ограничивать эти прогулки, где это возможно, двором или садом дома, в котором они содержатся, где же это нельзя или неудобно, а между тем и для здоровья нужно движение, то позволять прогуливаться по малолюдным улицам и под надзором постовых»¹⁵.

После прибытия на место поселения военнопленным определялось место жительства. В своих записках современники указывали на вполне приемлемые условия жизни и содержания. Чаще всего туркам выделялись казармы или большие дома, в которых они, «по обычаю восточных народов, размещались на полу, густо устланном соломой».

В целом содержание военнопленных было достаточно либеральным. По-видимому, местные власти исходили из того, что в чужой стране, без знания языка они все равно никуда не денутся. После Башкадыкларского дела в г. Рославль Смоленской губернии оказалось много пленных, большую часть которых составляли курды. Описывая их жизнь, очевидец рассказывает, что, пользуясь свободой передвижения, пленные часто уходили в поле и бродили там по лугам до позднего вечера, а иногда даже ходили купаться в окрестных озерах. «Иногда, в жаркий день, два, три человека по несколько часов, с закрытыми глазами, неподвижно сидели на земле у забора, и только легкая улыбка на загорелом лице, обращенном прямо к

солнцу, выражала сладостное забвение мусульманина. Между пленными курдами было несколько турок, которые преимущественно умеют наслаждаться кейфом. Драгоценная способность в положении пленного!»¹⁶. Из повествования о жизни турецких военнопленных в Трубчевске и Короче, оставленном корреспондентом «Московских ведомостей», следует, что основное занятие пленников заключалось в совершении пятикратного намаза и в приготовлении пищи. По словам корреспондента, даже башибузуки, представители нерегулярных формирований османской армии, получали 9 коп. серебром ежедневно. Этой суммы хватало на приобретение основных продуктов питания, в том числе баранов, а также табака.

Летом, когда начинались полевые работы, некоторые пленные нанимались жать и косить, получая за это плату. Заработанные деньги тратили на еду, сукна и материалы для обуви и одежды, которые кроили, шили и вязали самостоятельно. По воспоминаниям современника, прибывшие в Рославль османские солдаты, курды по национальности, «закутанные в какие-то тряпки, в изорванном платье... походили скорее на толпу нищих, чем на воинов Блистательной Порты». К концу же лета 1855 г. их внешний вид изменился до неузнаваемости. Многие из них были одеты в собственноручно пошитые «красные курточки, обшитые в хитрый узор серебряными и золотыми позументами, а также и пунцовые фески с огромными синими шелковыми кистями»¹⁷.

Между жителями Рославля и военнопленными установились добрые отношения. Еще более они улучшились после того, как курды приняли самое деятельное участие в тушении охватившего город пожара, вынесли из охваченного огнем православного храма образа и церковные принадлежности.

По-видимому, было бы ошибкой утверждать, что все военнослужащие османской армии, находившиеся в русском плену, вели столь свободный, чуть ли не идиллический для военнопленного, образ жизни. Масштабы воровства, процветавшего в интендантских службах российской армии, приводили к тому, что сами русские солдаты нередко жили впроголодь, питались гнилыми сухарями, ходили в рваной обуви и форме. Вряд ли для пленных делались какие-то исключения в лучшую сторону. Если

из документов следует, что военнопленным полагались определенные нормы денежного, продовольственного и вещевого содержания, это еще не означает, что все это они получали в соответствии с предписанием. Не все, как в Рославле, целыми днями грелись на солнышке или занимались подработками. В Суздале, к примеру, пленные турки привлекались к масштабным земляным работам в рамках благоустройства города. Неизбежным следствием непривычно холодного и сырого для жителей южных широт российского климата были заболеваемость и, местами, повышенная смертность.

Тем не менее сохранившиеся документальные материалы и воспоминания дают основания полагать, что участь наших солдат, оказавшихся в плену, была гораздо тяжелее участи военнослужащих союзников, находившихся в плену российском. Мемуары русских солдат и офицеров изобилуют фактами того, как их призывали или принуждали не возвращаться на родину, перейти на службу, сменить вероисповедание. Нередко заковывали в кандалы, содержали в тяжелых условиях. Со стороны пленных союзников жалоб на подобное к себе отношение не поступало. Более того, сохранились свидетельства случаев добровольного отказа возвращаться домой. Так, в августе 1855 г., т.е. еще во время войны, жандармский генерал-лейтенант Перфильев докладывал шефу жандармов генерал-адъютанту графу Орлову о том, что «рядовой египетского войска, взятый в плен с парохода "Первез-Бахри", Али Атой объявил, что он не желает возвращаться в отечество, а намерен остаться в России и принять российское подданство»¹⁸. В апреле 1856 г. тот же Перфильев докладывает о том, что «один из них (пленных. — О.Ш.) Магомет-Осман, желая принять христианскую веру и присягнуть на верноподданство Государю Императору, остался на постоянное жителство в Ярославле»¹⁹.

Особенностью Крымской войны было то, что для начала обмена военнопленными не стали дожидаться заключения мира, а сам обмен производился на протяжении всей войны. После заключения в марте 1855 г. соответствующих договоренностей между главнокомандующим нашей Крымской армией князем Горчаковым и командующими союзными войсками лордом Рагланом и Канробером, обмен военноплен-

ными начал осуществляться на систематической основе. 17 мая 1855 г. договор о размене был прислан новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору графу А.Г. Строганову. По высочайшему повелению пунктами размена были назначены Одесса и Ливава. 2 июля 1855 г. обязанность производить размен граф Строганов возложил на князя А.В. Мещерского. Уже 9 июля в Одессу прибыл первый французский пароход. Поначалу за своими пленными приходили, только французские и английские корабли. В соответствии с договоренностями турецкие военнопленные должны были приниматься союзниками у русской стороны наравне с пленными французами, англичанами и итальянцами. Несмотря на это, англичане старались забирать только своих соотечественников и с неохотой принимали союзников. В наибольшей степени такая нелюбовь проявлялась в отношении пленных турок, которых стало особенно много после взятия Карса.

Непосредственно турецких солдат начали обменивать в сентябре 1855 г. Однако, по сравнению с остальными союзниками, процесс их обмена несколько затянулся и продолжался до конца 1856 г.

Условия жизни, холодное время года привели к тому, что многие пленные, и турки в этом плане не составили исключения, пристрастились к русской водке. На этот счет князь Мещерский оставил любопытное воспоминание, которое характеризует порядки в русской армии, да и нашего солдата в целом.

«Я видел, например, такой поразительный случай, как пьяный турецкий солдат, посаженный под арест на гауптвахту за буйство и безобразное поведение в казармах, завязал ссору с часовым и начал его бить. Часовой наш, вместо того чтобы приколоть его на месте штыком, защищался только от него свободной рукой. Проходя мимо и будучи очевидцем возмутительной сцены, я, разумеется, крикнул людей и приказал связать этого негодяя. Когда я стал расспрашивать часового о том, как он мог вынести оскорбление, нанесенное ему, русскому солдату, да еще часовому, этим негодяем, турецким пленным, и не убить его на месте, то он мне отвечал: "Помилуйте, ваше высокоблагородие, пленный — это вещь казенная, пожалуй попортишь... придется отвечать"»²⁰.

В своих воспоминаниях князь Мещерский не обошел вниманием и высших офицеров османской армии. Уже после падения Севастополя в Одессу для обмена прибыла большая группа турецких военнопленных, взятых в Карсе. В их числе был весь генералитет Карского гарнизона во главе с главным командующим Керим-пашою. Последнего поместили в гостинице за неимением частной квартиры в городе. «Из восьми плененных пашей, прибывших с ним, трое только отличались от других, это были: Мустафа-паша, Гафис-паша и Гуссейн-паша... Они все носили фески на голове и ходили в наших русских генеральских эполетах. Остальные паши мало отличались от нижних чинов и очень походили на тех офицеров, которых у нас в армии называют бурбонами, т.е. офицеров, выслужившихся из простых солдат. Так как эти пленные содержались у нас в Одессе очень долго и держали себя все время с большим достоинством и большой скромностью, никогда не выходя на улицу из опасения, как я узнал, раздражить обывателей своим появлением, то я, из сострадания к ним и к страшной тоске, их одолевавшей, этих четырех пашей позвал к себе обедать запросто. Они этим были очень польщены и перед возвращением на родину поднесли мне на память свои фотографические портреты»²¹.

Только после заключения парижского мира 19 марта 1856 г. в Одессу прибыл турецкий фрегат «Мухбир-и Сурур», пришедший за турецкими военнопленными. Это был большой, по всему видно, только что построенный корабль. Сам фрегат поражал всех чистотой и роскошью, а его команда – невиданной в то время у турецких матросов щеголеватостью одежды и чисто европейской дисциплиной. В июле 1856 г. «Мухбир-и Сурур» пришел второй раз за очередной партией пленных. Через капитана от турецкого морского министра и первого адмирала Оттоманской империи Мехмеда-Али князь Мещерский получил письмо, в котором морской министр выражал благодарность за «благородное поведение в деле размена». Князь Мещерский блестяще справился с возложенными на него обязанностями, за что получил от турок орден «Меджидие», от французов – орден Почетного легиона, от сардинцев – орден «Маврикия и Лазаря»²². Лишь англичане не стали утруждать себя подобными процедурами.

Подводя итог, необходимо ответить, сколько же всего военнотружеников османской армии побывало в русском плену. В силу ряда причин турецкие потери в течение войны учитывались не столь скрупулезно, как потери англичан и французов. Затрудняют установление точной численности иностранных плененных в России на тот или иной период и их систематические размены. Тем не менее, по данным инспекторского департамента Военного министерства, в русском плену побывали 11431 нижний чин и 958 офицеров османской армии. К концу 1856 г. было возвращено через Одессу 823 турецких офицера и 9146 нижних чинов. Умерли 127 офицеров и 1673 нижних чина, более 1500 человек из которых были плененные из Карса²³.

Примечания

¹ Богданович М.И. Восточная война 1853–1856 годов. СПб., 1876. Т. 1, с. 157.

² Basbakanlik Osmanli Arsivi. Hariciye Siyasi. (Османский архив при премьер-министре, Стамбул, политический отдел османского МИДа). Оп. 1354, д. 6, л. 3.

³ Богданович М.И. Указ. соч. Т. 4, с. 399.

⁴ Там же, с. 393.

⁵ Воспоминания о Восточной войне 1853–1855 годов доктора А.А. Генрицы // Русская старина. 1877. № 11, с. 443.

⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109, оп. 28, д. 359, ч. 1, л. 1.

⁷ Там же, л. 5.

⁸ Там же, л. 7.

⁹ Там же, л. 7 об.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, л. 8.

¹² Государственный архив Автономной Республики Крым (ГААРК). Ф. 368, оп. 1, д. 28, л. 2.

¹³ Там же. Ф. 26, оп. 4, д. 1515, л. 10.

¹⁴ Там же, д. 1512, л. 2.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Курды в Смоленской губернии // Сборник известий, относящихся до настоящей войны. СПб., 1856. Кн. 25. С. 28.

¹⁷ Там же, с. 30.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 109, оп. 28, д. 359, ч. 1, л. 29–29 об.

¹⁹ Там же, л. 38.

²⁰ Мещерский А.В. Записка о размене в городе Одессе плененных войны 1854–1856 годов // Русский архив, 1899. № 3, с. 496.

²¹ Там же, с. 499.

²² Там же, с. 496.

²³ Миловидов Б.П. Русские военнопленные в годы Крымской войны // Вестник молодых ученых. СПб., 2002. № 5, с. 35.

Н.М. Горбунова, И.М. Смилянская (ИБ РАН)

РОССИЙСКИЙ ДИПЛОМАТ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И БАЛКАН К.Д. ПЕТКОВИЧ

Константин Дмитриевич Петкович (1827–1897) оставил заметный след в изучении языка, истории и культуры балканских народов и арабов Сирии и Ливана, тех стран, в которых он подолгу жил и работал. Описание его жизни и деятельности представляется чрезвычайно любопытным, познавательным и расширяет наши представления о жизни, быте и устремлениях людей, населяющих эти страны. По роду своей работы он фиксировал и анализировал как крупные проблемы (участие в войнах, заключение международных договоров, состояние экономики и финансов) той или иной страны, так и малозаметные детали, характеризующие тем не менее определенные тенденции общественного развития.

К.Д. Петкович – автор книги «Ливан и ливанцы. Очерки нынешнего состояния автономного ливанского генерал-губернаторства в географическом, этнографическом, экономическом, политическом и религиозном отношениях»¹, а также ряда статей об отдельных этно-конфессиональных общинах Ливана и Сирии. Он долго занимал пост генерального консула в Бейруте, и поэтому его публикациями не исчерпывается вклад в изучение региона: в Архиве внешней политики России отложились многочисленные тома его весьма содержательных консульских донесений о положении в Сирии, Ливане и Палестине, направлявшиеся им в Российское посольство в Константинополе и в Азиатский департамент Министерства иностранных дел.

Российское консульство в Бейруте, основанное в 1839 г.² и преобразованное в 1843 г. в генеральное консульство, на протяжении XIX в. оставалось центром русской дипломатической службы в сирийском регионе даже тогда, когда были созданы консульства в Дамаске и Алеппо (Халебе). Пост генерального консула в Бейруте Петкович занимал с 1869 по 1896 г. Сам он принадлежал к богатому болгарскому семейному клану и был оппозиционно настроен к османской власти, разделяя идеи национального освобождения и связывая это ос-

вобождение с помощью России. Обстоятельства переселения К.Д. Петковича в Одессу в первой половине 1840-х годов неизвестны, но сам Константин Дмитриевич был настроен антитурецки и, по его словам, «оказывал услуги болгарскому делу»³, а в период службы в Рагузе (Дубровнике) был сильно вовлечен в политические проблемы Черногории.

Азиатский департамент российского МИДа в дальнейшем решил использовать его антитурецкие настроения в другом регионе, назначив на пост генерального консула в Бейруте⁴. К.Д. Петкович был православного вероисповедания. Он публично высказывал свои антипатии к греческой духовной верхушке, притеснявшей болгарскую паству, и убежденно осуществлял российскую политику второй половины XIX в., направленную на поддержку арабского духовенства в противовес греческой духовной элите.

К.Д. Петкович по своим политическим симпатиям тяготел к славянофилам, а его бейрутские донесения свидетельствуют о консерватизме взглядов, свойственном российскому крупному чиновничеству. Он старательно выполнял службу, ценил ордена и перед выходом на пенсию был действительным статским советником, т.е. имел ранг, соответствующий генеральскому чину.

Надо отдать должное Константину Дмитриевичу и как труженику от науки, посвящавшему значительную часть своего досуга научным изысканиям. Его труды не только способствовали знакомству российской читательской публики с Ливаном, Сирией и Палестиной, но и сейчас представляют собой ценные источники по экономической и политической истории этого региона.

К.Д. Петкович учился в Петербургском университете на историко-филологическом факультете. Здесь он испытал большое влияние известного русского слависта Измаила Ивановича Срезневского⁵. Это духовное воздействие, как и «воспоминания о детстве, проведенном среди болгарского народа, угнетенного турками», определили первоначальный выбор К.Д. Петковичем своей

профессии – он принял решение посвятить себя занятиям славянской филологией.

В 1852 г. К.Д. Петкович совершил длительную поездку по славянским странам. Прежде всего его влечет Прага, где блестяще развивается европейское славяноведение; он стремится к встрече с крупнейшими славистами. Из Праги он направляется в Белград, Загреб, Солунь, посещает Афонские монастыри, интересуясь повсюду «древними памятниками славянской науки, копируя наиболее важные из них». Он изучает древнюю славянскую литературу⁶.

Начало Крымской войны заставляет его спешно возвратиться в Россию и поступить на государственную службу. Своему учителю И.И. Срезневскому он пишет: «...обстоятельства завлекли меня не в ту карьеру, для которой я готовил себя»⁷. К.Д. Петкович служит в дипломатической канцелярии главнокомандующего русскими войсками Горчакова, выполняет переводы с болгарского и сербского языков. Вместе с тем, он публикует свою первую, очень скромную, работу по истории славянской книги и готовит к печати «Обзор афонских древностей»⁸. По окончании войны он работает в комиссии по разграничению России и Турции. В 1856 г. получает назначение на пост секретаря генерального консульства в Рагузе (Дубровник). Здесь происходит его быстрое продвижение по службе: в 1859 г. ему присваивают звание консула, а затем – генерального консула. На годы пребывания в Рагузе падает его наибольшая научная активность в сфере славистики. Он публикует обнаруженные им древние документы, исследовательские обзоры, свои переводы с сербского⁹. По-видимому, тогда же он пишет обстоятельный, высокопрофессиональный очерк «Черногория и черногорцы», насыщенный сведениями, почерпнутыми из собственных наблюдений¹⁰. Работа над этим очерком во многом предопределила методику подготовки его книги «Ливан и ливанцы».

В 1869 г. К.Д. Петковича назначают генеральным консулом в Бейрут, и теперь он погружается в новую общественно-политическую жизнь. Многолетний опыт дипломатической работы, разносторонние знания, образованность и большое трудолюбие позволили Петковичу быстро освоиться в этой обстановке. Уже в 1870 г. он направляет в российское посольство в Константинополе

первый вариант очерков о Ливане и ливанцах. Тогда он располагал данными официальной переписи 1862 г. и сведениями, почерпнутыми из западноевропейской литературы. Позже его познания о Ливане кардинально расширились благодаря собственным наблюдениям. Осведомленность К.Д. Петковича о политическом устройстве мутесаррифии, демографии, экономическом положении Горного Ливана во многом уникальна. Он имел полное основание писать, что очерки являются «плодом моей долголетней консульской деятельности в Бейруте, позволившей мне на месте непосредственно изучить край и людей и собрать из первых рук необходимый статистический материал»¹¹. Научная добросовестность, им проявленная, позволяет довериться его замечанию: «Все статистические данные почерпнуты мною из официальных источников и проверены тщательно сведениями, которые были мне доставляемы сведущими и компетентными лицами из местных жителей»¹².

Изучение писем и донесений К.Д. Петковича по материалам Архива внешней политики Российской империи позволяет разбить их на ряд интересных, с научной точки зрения, тем, а именно: 1) зарождение арабского национально-освободительного движения, антитурецких настроений; 2) борьба османских властей с организациями младотурок и армянских революционеров; 3) восстания алавитов (ансариев) и друзов; 4) межобщинная вражда мусульман, православных, католиков, армян; 5) ценные археологические находки; 6) памятники православной культуры, монастыри.

Помимо служебных обязанностей, Петкович с большим увлечением занимался научными изысканиями, понимая, что именно они представляют наибольшую ценность для потомков. В 1859 г. в Москве был опубликован его «Исторический очерк сербской православной общины в Рагузе», который в целом был выдержан в духе православного патриотизма. Однако в нем содержались интересные сведения, в частности, о том, что православные стали селиться в Рагузе с XV в., но до конца XVIII в. у них не было церкви. Еще Петр Великий, готовясь к войне с турками, хотел воспользоваться содействием единоверцев и обратился с воззванием к черногорцам и герцеговинцам, отправив к ним нарочных с грамотами. Как

известно, граф Орлов заставил Рагузу подписать конвенцию о сотрудничестве с Россией, при этом «Россия домогалась православной церкви» в этой республике. Поначалу надежды православных не оправдались. Сам Петкович об этом писал так: «Боятся, что в город хлынут православные сербы; что турки потребуют мечеть и тогда мусульмане и союзники заполонят город. Боятся турецких налоговых претензий и т.п. Особенно боятся утверждения России». В результате требований Орлова и начала военных действий в Рагузу прибыл первый русский консул, и 2 марта 1788 г. здесь было открыто генеральное консульство. В скором времени начала действовать и православная церковь¹³.

Хочется привести выдержку из хранящихся в архиве биографических сведений о К.Д. Петковиче некоего лица: «...он извлекал из забвения архивов и библиотек древние памятники славянской науки, наиболее важные из которых он копировал. Он сожалеет, что его мемуары путешествия затерялись по большей части, и есть только описание древних памятников горы Афон, которые он сохранил и которые будут вскоре опубликованы»¹⁴.

Разнообразная дипломатическая и консульская работа, которую К.Д. Петкович вел на протяжении долгих лет, всегда носила, как мы видим, определенный отпечаток, выделявший его среди других дипломатов глубоким интересом, пристрастным отношением и сочувствием к положению православных, независимо от их национальности. Ни одно притеснение православных жителей, будь то ювелир или простые сельские труженики, не проходит мимо его внимания¹⁵.

Особую озабоченность у консула вызывали ссоры и интриги среди православных священников, боровшихся за те или иные места в епархии и местных училищах и школах¹⁶. Он сообщал о распространении русского языка среди местного населения, видя в этом укрепление авторитета России на Ближнем Востоке. И в то же время тревожился по поводу растущего влияния Пруссии, которая не жалеет средств на строительство в Дамаске госпиталя и громадного здания для приюта¹⁷.

Петкович не обходит вниманием ни один случай конфликта между различными христианскими конфессиями. Так, в январе

1871 г. он упомянул в донесении о столкновении между православными и американскими миссионерами, произошедшем из-за интриг и опасности прозелитизма¹⁸.

Очень важной в познавательном отношении является работа К.Д. Петковича над составлением статистической записки о Ливанском генерал-губернаторстве «на основании официальных и достоверных сведений». Все религии христианские и мусульманские здесь представлены, писал он. Между ними идет вражда тайная и явная. Как горцы метуалии отличаются простотой жизни, умеренностью, трудолюбием и храбростью, Марониты превосходят всех богатством и влиянием духовенства, Друзы и православные – трудолюбием и храбростью¹⁹.

Проявляя поистине научную скрупулезность, Петкович требует от своих подчиненных представить ему полную численность христиан в вилайете Сирия (включающем Сирию, Ливан, Палестину с Иерусалимом).

Нередко в письмах и рапортах Петковича заметно ревнивое чувство глубоко православного человека, которого задевает относительное благополучие и пренебрежительное отношение иерархов иных христианских конфессий. Так, в марте 1871 г., обращаясь к послу в Константинополе Н.П. Игнатьеву, он ругает американских протестантских миссионеров за то, что они ведут религиозную пропаганду среди православных, при этом сами «благоденствуют в приморских городах, пользуются комфортом, имеют экипажи, лошадей и т.п.»²⁰ В другом письме консул сообщает об открытии протестантских школ в православных селениях и деревнях²¹.

Иногда К.Д. Петковичу удается убедить российские власти выделить деньги на поддержку православных общин в Сирии и Ливане. Он всегда выражает радость по этому поводу и подробно отчитывается в расходах. Уже завершая свою дипломатическую карьеру, в начале 1896 г. Петкович послал в Императорское посольство в Константинополе отчет о суммах, присланных в Генеральное консульство из Азиатского департамента и назначенных Св. Синодом для православных школ в Сирии и Ливане²². Тревога российского консула по поводу скупости выделяемых средств на благотворительность возникла не на пустом месте. В одном из писем Игнатьеву Петкович указы-

вал на необходимость помочь делу образования среди православных Сирии²³. Далее он пеняет на то, что патриарх Иерусалимский прежде всего думает о приобретении земель, церквей и разных святынь и не обращает внимания на православных арабов. Между тем миссионеры «находят полезнее и целесообразнее покупать земли для постройки детских приютов и детских школ... Огромные русские постройки не имеют ни школ, ни приютов для местного населения»²⁴.

Здесь уместно напомнить, что в сирийском вилайете каждый, даже незначительный, пост в чиновничьей иерархии был строго закреплен за той или иной конфессией. Всякое нарушение этой традиции вызывало взрыв негодования местного населения и зачастую приводило к кровавым столкновениям. В связи с этим интересно свидетельство Петковича о соперничестве западных держав и России в Ливане в апреле 1870 г. Он пишет о том, что внешне в ливанской администрации наблюдается полное спокойствие, но происходит тайная борьба ревности и соперничества между разными национальными группами, составляющими население Горного Ливана, где постоянно скрещиваются влияние иностранных агентов и амбициозные интриги. Идет непрерывная борьба за гражданские и военные должности – «средства власти и влияния в стране». В конфиденциальной беседе с Петковичем генерал-губернатор Франко-паша жаловался на вмешательство держав в дела Ливана, нарушающих Органический статут. Это, безусловно, свидетельствовало о благосклонном отношении его к России²⁵.

Весьма ценным является свидетельство Петковича, сообщавшего в июле 1871 г. Игнатьеву в Константинополь о том, что не оправдались надежды на улучшение положения христиан с «допущением христианского элемента в турецкую администрацию». Но и сами христиане раздроблены, писал он далее. «Каждая из этих групп старается иметь из своей среды как можно больше чиновников, влиятельных не для общего блага христиан, а для того, чтобы выдвинуть вперед свои собственные интересы племенные или религиозные... Деятельностью и стараниями этих чиновников руководят интересы народности, а больше всего религии, которая на Востоке все по-

глощает, так что религиозные общины заменяют народы и народности». В результате борьбы и смены влияния одних над другими умножаются злоупотребления²⁶. «Мне не раз случалось слышать мнение, – пишет Петкович, – что при прежних порядках было гораздо лучше, т.к. паши смотрели одинаково на всех христиан». Не было интриг и сплетен, «грабили только паши, а теперь, чтобы окончить какое бы то ни было дело, бедные христиане принуждены подносить деньги и подарки пашам и христианским чиновникам, которые служат посредниками и пользуются влиянием»²⁷. Нарушение квот в различных представительских органах было поводом для многочисленных жалоб тому же консулу.

Впрочем, консулу К.Д. Петковичу гораздо чаще посылали жалобы по поводу антихристианских выступлений со стороны мусульман. Так, весной 1870 г. ему сообщили об актах фанатизма мусульман и поругательстве креста в районе Баальбека²⁸. В июле 1870 г. в деревне Беруе со смешанным населением и управляемой мусульманским шейхом было совершено насилие в отношении православной церкви и ее священника²⁹. Описание характерного случая читаем в донесении Игнатьеву от 21 сентября (3 октября) 1871 г.: «Продолжают иметь место акты агрессии против христиан. Это не изолированные факты. Они совершаются бандами в 20–30 человек с палками и ножами, ходящими по улицам и поджидающими свои жертвы, как на охоте. Мусульмане Бейрута в целом враждебны христианам. Но их поведение начало вселять беспокойство со времени прибытия сюда из Дамаска подразделений новых жандармов, рекрутируемых из вилайета Йемен из людей наихудшего сорта. Они участвуют в грабежах и издевательствах над христианами в городе и окрестностях». Петковичу вместе с генеральным консулом Германии пришлось обратиться с жалобой к правителю Бейрута Рауф-паше.

Причины антихристианских настроений коренились, конечно, во враждебном отношении к иноверцам со стороны самих османских властей, по крайней мере многих представителей государственного аппарата Порты. Епископ Триполи Софроний многократно жаловался российскому вице-консулу А. Катцефлису на систематическое нарушение законных интересов православных